

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Черный пиар

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Черный пиар / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

Адвокат Юрий Гордеев не хотел браться за это дело... Но странное стечение обстоятельств, пропажа любимой женщины заставили его погрузиться в атмосферу предвыборной гонки в одном из областных центров России. Война компроматов, подлог, запрещенные приемы – все это сопровождает губернаторские выборы. Один из кандидатов обвинен в убийстве маленькой девочки. Юрию Гордееву предстоит оправдать невиновного. Но так ли он невиновен на самом деле?..

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	15
3	23
4	29
5	34
6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Фридрих Незнанский

Черный пиар

1

Адвокат московской юридической консультации номер десять Юрий Петрович Гордеев весьма приятно проводил время на работе. Вот уже около часа, или даже больше, он переписывался посредством интернета с обаятельной, длинноногой, зеленоглазой блондинкой, как та себя сама зарекомендовала. Увлекательная беседа становилась все более и более страстной, собеседница проявляла сначала неподдельный интерес, потом и явное нетерпение, а когда возможность договориться о реальной встрече уже витала в воздухе, совершенно не вовремя зазвонил телефон на письменном столе адвоката. Гордеев с большой неохотой оторвался от монитора, поднял трубку и, еще не успев перестроиться с бесчисленных любезностей на деловой тон, промурлыкал в трубку:

– Гордеев. Слушаю вас.

– Юра, что это у тебя с голосом? – звонил директор юрконсультации Генрих Розанов. – Простыл, что ли?

– Нет-нет, – Юрий откашлялся и заговорил обычным голосом: – Все в порядке, Генрих Афанасьевич. Наверное, это связь такая. Вы же знаете, какие у нас старые АТС...

– Наверное, – недоверчиво произнес Розанов. – Зайди ко мне, Юра. Тут есть дело для тебя.

– Ух ты! – внезапно воскликнул Гордеев в трубку. Разговаривая с Розановым, он не отрывался от монитора, а незнакомка прислала как раз чересчур пылкое послание, и Юрий не смог сдержать своих эмоций.

– Надо же, – сдержанно удивился Розанов. – Вот уж не думал, что известие о новой работе вызовет у тебя такой энтузиазм. Растешь, растешь, Юра...

– Простите, – мигом сориентировался Гордеев, – не смог сдержать чувств. Это действительно очень неожиданная, но приятная новость. Сейчас поднимусь.

Гордеев положил трубку, кратко отписал виртуальной собеседнице тоже что-то страстное и нежное и попросил выслать фотографию. Затем быстро навел порядок на столе, вернее сложил бесчисленные бумажки в одну неровную стопку, а папки – в другую, и быстро вышел из своего кабинета. Через минуту он уже стучал в дверь начальника.

– Заходи, заходи, – раздался голос Розанова из глубин кабинета.

– Здравствуйте! – воскликнул Юрий с порога.

– Привет. Садись. Хочешь кофе?

Повышенная любезность начальника не обещала ничего хорошего – это Гордеев усвоил давно. Обычно начальники очень ценят собственное хорошее отношение к подчиненным и расходуют его экономно – только в тех случаях, когда им самим что-то надо.

«Ничего не поделаешь, такова жизнь. Ну вот, сейчас Розанов опять поручит заниматься чьей-нибудь разбитой машиной или дележом имущества. За копейки», – пронеслось в голове у Гордеева.

– Да, кофейку было бы неплохо, – осторожно произнес он.

Розанов поднялся и нажал кнопку чайника.

«Ну вот. Он еще и кофе сам делает, – все более настороженно наблюдал за манипуляциями Розанова Гордеев. – Неужели все московские юридические конторы обязали заниматься

благотворительностью и за „спасибо“ защищать интересы городских бомжей? А Розанов наверняка хочет поручить мне именно такое ответственное дело!»

– Для чего вызывали, Генрих Афанасьевич? – наконец не выдержал Гордеев.

– Хочу поручить тебе один процесс, – ответил Розанов. – Дело несложное. Для тебя вообще как семечки. Возьмись, пожалуйста.

– Не могу, Генрих Афанасьевич, – подумав, сказал Гордеев.

– Как же так? – развел руками Розанов. – Только что радовался моему звонку, я бы даже сказал – ликовал, а тут вдруг отказываешься? Как это понимать?

– Я бы со всем желанием, – горячо запротестовал Гордеев, – но сами ведь знаете, у меня своих дел сейчас невпроворот.

– Правда? – поднял бровь Розанов.

– Да. Чистая правда. Подлинная, – проникновенно подтвердил Гордеев. – Я не могу браться за работу, если не уверен, что качественно ее выполню. А времени моего сейчас не хватит, чтобы уделять должное внимание всем клиентам.

– Красиво говоришь, – покачал головой Розанов. – Недаром ты в адвокаты пошел... – Он сделал многозначительную паузу, в упор глядя на Гордеева, и продолжил: – Только вот дел у тебя сейчас нет никаких. Я попросил Марину, она все проверила. Во вторник последнее заседание по Брумкину – и ты свободен, как стрекоза в полете.

– Интересно, а откуда Марина может знать о моих делах? – с вызовом поинтересовался Гордеев. – Я ей вроде не докладывался.

– Все оттуда же, – хитро подмигнул Розанов. – Всем известно, что у тебя с ней шуры-муры.

– Ну и что? Мы с ней о делах вообще не разговаривали.

– Не важно. От женщины ничего не скроешь. Она все мысли на лбу читает, – Розанов красноречиво провел пальцем по собственному лбу, – в том числе и те, что касаются работы. Не замечал?

– Замечал... – грустно подтвердил Гордеев.

– Ну вот, – с удовлетворением в голосе произнес Розанов. – Так что ты мне мозги не пудри, никаких таких особых дел у тебя нет. И в ближайшее время не предвидится.

«Тьфу, – подумал Гордеев, – это все я виноват, нечего было языком трепать. А Маринке я еще задам жару...»

– Да, но я ведь должен разобраться в бумагах, привести в порядок документы, – не собиравшись сдаваться Гордеев. – Проанализировать, сделать выводы...

– Какие бумаги? – отмахнулся Розанов. – Что ты мне тут рассказываешь? Ты же не в канцелярии работаешь, у тебя сроду никаких документов не было. Я что, по-твоему, не видел, как ты после каждого судебного процесса все бумажки смахиваешь со стола и выкидываешь в ближайшую урну?

Гордеев насупленно замолчал. Больше крыть было нечем.

– Да ладно тебе. Не грусти, – сжалился начальник. – Дело хорошее. Не бесплатное.

– Правда?

– Конечно! Причем клиент выгодный, деньги должен заплатить нормальные. Да и делов-то на неделю. Возьмись, а? Только я тебе еще стажера прикреплю, нужно одного способного молодого юриста попрактиковать. Будем вместе ковать юные кадры.

– Хорошо, – совсем уж опечалился Гордеев. – Только стажер-то мне зачем? Сами говорите: дело простое, быстрое. Польза от него стажеру какая?

– За стажера переживаешь? – усмехнулся Розанов. – Признайся уж честно, тебе просто возиться неохота.

– Признаюсь. Неохота, – вздохнул Юрий.

– Что-то ты, милый друг, невесел, что-то голову повесил. – начальник откровенно веселился. От этого Гордеев злился еще больше.

– Что вы так радуетесь? – обиженно произнес он. – Очень мне нужно, можно подумать, валандаться с каким-то выпускником. Вы же сами знаете, они все из института приходят с мыслью, что Плевако по сравнению с ними – зеленый мальчишка.

– Я думаю, что, когда ты увидишь этого выпускника, ты будешь радоваться еще больше меня, – загадочно произнес Розанов.

– Это с чего бы мне так радоваться? – насторожился Гордеев.

– Увидишь, – неопределенно кивнув, ответил Розанов, – Иди пока к себе, а стажера я сейчас пришлю. Должен появиться с минуты на минуту. Как только познакомитесь – оба зайдите ко мне. Я вас свяжу с клиентом. Договорились?

– Договорились, – недовольно пробурчал Гордеев и понуро поплелся в свой кабинет.

Усевшись за свой стол, Юрий вдруг вспомнил о своей новой виртуальной знакомой и слегка ободрился. Он проверил содержание почтового ящика, принял новую корреспонденцию и приготовился ждать, предвкушая увидеть обворожительное девичье личико на присланной фотографии.

Письмо от нее действительно имелось, а в письме имелась фотография. Вскоре картинка загрузилась.

Гордеев глянул на экран и замер. С монитора на адвоката уставилась перезревшая девица со следами трехдневного запоя на лице. Вытравленные перекисью белые лохмы сосульками свисали на лоб. Из-под них смотрели будто затуманенные сильным транквилизатором мутные глаза цвета талого снега на обочине подмосковного шоссе. Девица сидела в кресле, положив ногу на ногу – мощные бедра, которые совсем не прикрывала коротенькая юбчонка, производили сильное впечатление. На тугом брюшке, обтянутом розовой кофточкой, явно обозначились жировые складки. Гордеев насчитал целых четыре. Картину довершали многочисленные разноцветные пластмассовые бабочки-заколки в прическе, несколько ярких браслетов на запястьях, связка цепочек и кулонов на шее и большие серыги в ушах в форме золотистых дельфинчиков.

Под фотографией была приписка: «Надеюсь, что понравилась тебе. Позвоню сегодня после пяти, котик. Целую».

– Боже мой! – Гордеева передернуло, как от удара электрическим током. Он совершенно забыл, что опрометчиво написал номер своего мобильного телефона, когда еще верил, что действительно общается со сногшибательной красавицей блондинкой.

– Какой ужасный день! Меня, кажется, окончательно решили добить сегодня! – пробормотал он. – Ну, почему, интересно, все против меня? Неужели это наказание за того чайника, которого я так красиво подрезал сегодня утром?

Утром, добираясь на работу по перманентным московским пробкам, Гордеев действительно подрезал какого-то юношу мажорского вида на новеньком «вольво».

– Простите, я не слишком мешаю вам разговаривать самому с собой? – раздался сзади нежный девичий голос.

Гордеев резко повернулся в кресле и увидел стоящую в дверях девушку в длинном и очень дорогом с виду кожаном плаще.

Посетительница была необыкновенно хороша. Длинные густые волосы сверкающей волной спускались на плечи, тонкая талия была схвачена тонким кокетливым пояском, огромные блестящие глаза с длинными ресницами лукаво сверкали из-под слегка затемненных стекол очков в красивой и дорогой оправе. Особенно эффектное впечатление она производила после созерцания присланной фотографии...

Юрий резко встал, желая показаться галантным, сделал шаг вперед, поскользнулся на яблочном огрызке, который каких-то пятнадцать минут назад не долетел до урны, и растянулся на полу.

– Ну что же вы так неосторожно? Надеюсь, вы не ушиблись? – без тени улыбки на лице спросила девушка, нагнувшись над адвокатом.

Гордеев увидел нижний край ее кожаного плаща, полы которого распахнулись, а за ними открылся отличный вид на будто растущие прямо из-под подбородка красавицы бесконечные ноги.

– Нет-нет, все в порядке, – ответил смущенный Гордеев, все еще лежа на ковролине. – Просто вы так обворожительны, что я упал к вашим ногам.

– И к тому же вовремя подвернулся яблочный огрызок? – лукаво подмигнула красавица.

– Да! – подтвердил Гордеев.

– Вы вполне могли бы словами выразить свой восторг от моей красоты, и таких жертв вовсе не требовалось, – проворковала красотка. – Помочь вам подняться? Или вам и там хорошо?

– В общем-то неплохо, – сказал правду Гордеев.

Красотка улыбнулась и изящно протянула руку с длинными музыкальными пальцами:

– Поднимайтесь. Все-таки нехорошо вот так лежать на полу. К тому же не очень чистом.

– Нет, что вы, я справлюсь сам, – ответил Юрий и легко вскочил на ноги. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Гордеев указал посетительнице на свое кресло, поскольку стул для посетителей был занят высоченной стопкой бумаг, которые дожидались своей очереди быть отправленными в урну, а сам устроился на широком подоконнике.

– Вы пришли поговорить со мной? – бодро спросил он.

– Если вы Гордеев Юрий Петрович, то именно с вами, – кивнула незнакомка.

– Я вас внимательно слушаю, – Гордеев изобразил огромный интерес на лице, а сам втихую потирал ушибленный локоть, и мысли его были далеки от профессиональных вопросов. Когда девушка села в кресло, плащ снова распахнулся, и взору Гордеева опять предстали стройные ноги, только теперь в другом ракурсе, и он с трудом заставлял себя отвести от них взгляд.

– Вы действительно меня внимательно слушаете? – с усмешкой спросила посетительница, делая упор на слово «внимательно».

– Да-да, конечно. Внимательней некуда, – чуть смутился Гордеев. – По какому делу вы пришли?

– Меня зовут Лидия Ермолаева. Генрих Афанасьевич должен был предупредить вас о моем появлении.

– Честно говоря, не могу припомнить, – нахмурил лоб Гордеев. – По-моему, нет. Мы ведем ваше дело?

– Нет. Меня прислали к вам на стажировку. Розанов сказал, что вы высокопрофессиональный адвокат и будете моим чутким руководителем и наставником.

– На стажировку... – мысли в голове Гордеева начали проясняться. – Так, значит, вы и есть мой стажер?

– Видимо так. Ваш стажер, – кивнула она.

– Ну и ну!.. – изумился Гордеев. – Выпускница юрфака?!

– Она самая, – не понимая восторгов адвоката, удивленно ответила Лида.

– Действительно, я очень рад, – вспоминая разговор с начальником, сказал Юрий. – Вы знаете, Генрих Афанасьевич лучший директор юридической консультации в мире.

– Вот как? Приятно слышать. Впрочем, как я уже сказала, он о вас отзывался так же лестно.

– Правда? И что же он говорил?

– Ну-у... Что вы очень опытный адвокат. И вообще хороший человек.

– Приятно... У нас в юрконсультации, знаете ли, принято делать друг другу комплименты, – улыбнулся Гордеев, – вам этой традиции тоже не избежать.

– О-о, – засмеялась красавица, – обожаю комплименты.

– Ну вот. Значит вы попали именно туда, куда надо!

– Прекрасно... Но давайте перейдем к работе. Розанов предупреждал меня о каком-то деле, которое поручено вам, а я должна оказать посильную помощь. Что это за дело?

– Сам пока не знаю, – пожал плечами Гордеев. – Он мне что-то говорил... Но только в общих чертах, я сам еще не введен в курс дела. Сейчас нам с вами, если не возражаете, следует подняться в кабинет Генриха Афанасьевича, и он нам все расскажет. Идем?

– Идем. Я могу оставить плащ у вас?

– Конечно! – Гордеев услужливо подхватил плащ, аккуратно повесил его на плечики и, осторожно придерживая дверь, пригласил ее следовать за ним.

Начальник встретил Юрия с ехидной улыбкой на лице.

– Ну что, Юрий Петрович, познакомился с коллегой? Будете работать, или подыскать для Лидии Андреевны другого наставника?

– Что вы, что вы, Генрих Афанасьевич, я с удовольствием помогу Лидии освоиться на нелегком адвокатском поприще, – запротестовал Гордеев.

– Надеюсь, не подкачаешь? У тебя есть педагогические таланты? – строго спросил Розанов.

– А как же? – не растерялся Гордеев. – И еще какие! Чувствую в себе просто талант Макаренко.

– Давно чувствуешь-то? Или только сейчас накатило? – усмехался Розанов.

– Да вот как-то внезапно и навеяло. Да так, что удержаться теперь не могу, – отвечал Гордеев. – Хочется прямо сейчас приступить к педагогической практике.

– Нет, ты уж, пожалуйста, удержись, чтобы никаких неожиданностей не возникло. А то голову оторву, – улыбался Розанов.

Лидия с трудом сдерживала смех, по ее глазам было понятно, что она уловила подтекст разговора, и это ее изрядно веселило.

– Ну ладно, присаживайтесь. Вот, знакомьтесь, это наш клиент – Зайцев Константин Павлович, – сказал Генрих Афанасьевич.

Из кресла, стоящего в углу, поднялся высокий худощавый человек в строгом деловом костюме и при галстук. Коротко кивнув Лидии и пожав руку Гордееву, он снова опустился в кресло, предоставив Розанову рассказать суть его проблемы. Лида с Гордеевым тоже уселись за стол и приготовились слушать.

Розанов, как опытный юрист, начал повествование таким тоном, будто рассказывает какую-то очень увлекательную историю. Он сумел буквально за несколько секунд завладеть вниманием присутствующих и не отпустить его до завершения своей речи.

– Значит так. Константин Павлович – начальник уважаемой конторы. Председатель крупного жилищного кооператива. Занимается строительством новых современных жилых домов. К сожалению, фирма, с которой Константин Павлович работал много лет, в силу неизвестных для нас с вами причин ушла со строительного рынка, и господину Зайцеву ничего не оставалось, как, чтобы не сорвать сроки подрядов, весьма опрометчиво и поспешно заключить договор с другой компанией на постройку шестнадцатиэтажного дома.

– Предварительно не проверив надежность фирмы? – спросил Гордеев.

– К сожалению, именно так... – подтвердил Розанов, глядя на Зайцева.

Тот развел руками:

– Времени совсем не было. Сроки сильно поджимали. А у нас каждый день простоя – огромные траты. Вот и пришлось...

– Понятно, – кивнул Гордеев.

– Итак, – продолжил Розанов. – Квартиры в доме раскупились гораздо раньше завершения строительства. Приезжие рабочие, гастарбайтеры из Молдавии, не успевали за сроками и работали день и ночь, в три смены. Наконец были завершены последние работы, состоялась торжественная сдача объекта, сотни семей были оповещены о начале заселения. Казалось бы, все прекрасно. Да вот незадача, представьте себе, здание рухнуло на следующую ночь.

– Ничего себе! – изумилась Лида. – Что, вот так само и обрушилось?

– Ну не совсем так... – нахмурился Зайцев.

– Да-да, – торопливо уточнил Розанов. – Не совсем рухнуло. То есть стены и каркас дома остались, а вот внутренние перекрытия с десятого этажа по пятый сложились как картонный домик. Хорошо еще нижние этажи не пострадали...

– Кто-то погиб? – деловито поинтересовался Гордеев.

– На счастье, в тот момент в доме никого не было – строители уже покинули объект, а жильцы въехать еще не успели.

– Повезло, – заметила Лида.

– Да, но на Константина Павловича все равно подали в суд за халатность. Он утверждает, что в происшедшем виновата только строительная фирма. Ваше дело доказать в суде, что дело обстоит именно так. Справитесь?

– Уверен, что справятся, – уверенно сказал Зайцев. – Тем более что вы отрекомендовали Юлия Петровича...

– Юрия, – поправил Гордеев.

– Да, конечно, Юрия... Вы его отрекомендовали как одного из лучших адвокатов вашей конторы.

Гордеев польщенно заерзал на стуле, не забыв кинуть взгляд на девушку, чтобы узнать, какое действие произвели на нее слова клиента. Лицо Лиды, впрочем, оставалось абсолютно невозмутимым.

– Ну, это я погорячился... – выдержал паузу Розанов. – Лучший – это я.

Все непринужденно рассмеялись.

– Ну что ж, Константин Павлович, – Розанов поднялся со своего места. – Желаю вам удачи. Сейчас вы можете пройти с Юрием и Лидией и более подробно обговорить детали.

– Да-да, спасибо вам. До встречи. – Зайцев тоже встал и вышел из кабинета, за ним последовала Лидия. Последним выходил Гордеев. Обернувшись, чтобы закрыть за собой дверь, Юрий улыбнулся начальнику и показал поднятый вверх большой палец руки. Розанов в ответ погрозил кулаком:

– Ты смотри у меня! Первым делом самолеты, ну а девушки потом!

– А как же! Вы ведь меня знаете, Генрих Афанасьевич!

– Вот именно потому, что знаю, и опасаюсь!

– Вот и поговорили... – усмехнулся Гордеев и бросился догонять Лидию с Зайцевым.

В кабинете Гордеева выяснилось, что суд состоится буквально через день, и времени на подготовку осталось не более суток.

– Почему же вы так поздно обратились за помощью к адвокату? – недоумевала Лидия.

– Вы знаете, – отвечал Зайцев, – этот суд не самая большая проблема для меня на данном этапе жизни. Я занимался другими, более серьезными делами, поэтому вспомнил про это неприятное мероприятие совсем недавно. Но сразу обратился к Генриху Афанасьевичу, и он сказал мне, что назначит лучшего адвоката, который быстро решит эту проблему.

Самолюбие Гордеева вновь было обласкано, он расцветал на глазах. И пока Юрий разговаривал с клиентом, он чувствовал, что Лидия незаметно, но внимательно следила за ним. А ей действительно нравилась его уверенная манера держаться, разговаривать с людьми, умение

умело вести беседу, так что человек охотно рассказывал все интересующие их факты и детали. Кроме того, отметила Лида, Юрий достаточно хорош собой.

«Слишком хорош, чтобы быть просто коллегой», – подумалось вдруг ей.

Но она немедленно отогнала от себя эту мысль: пережитый не так давно разрыв с мужем и стремление полностью посвятить себя работе всеми силами сопротивлялись развитию каких-либо новых романтических отношений.

Когда беседа с клиентом была закончена и Зайцев, попрощавшись, ушел, Лида с Гордеевым остались одни. Юрий решил использовать удачный момент и сразу бросился в атаку.

– Ну что, будем работать? – обратился он к Лиде с самой сладчайшей из всех улыбок, которые имелись в его арсенале.

– Будем. Непременно будем, – отвечала Лида. Поддавшись обаянию Гордеева, она тоже мило улыбнулась...

– И что же вы думаете по поводу этого дела? С чего следует начать? – напустив на себя деловой вид, спросил Гордеев.

– Ну, я считаю, что прежде всего нужно собрать материалы, касающиеся деятельности этой строительной фирмы. Проследить историю ее прошлых объектов, не было ли подобных случаев в ее прежней практике...

– Да, конечно, – перебил ее Гордеев. – Вы абсолютно правы. Но не продолжить ли нам разговор в более уютной обстановке? Устал, знаете ли, за день от своего кабинета. Может, переместимся в одно симпатичное заведение неподалеку? Там, кстати, варят отличный кофе. И, может быть, перейдем на «ты»?

– Конечно. Надо подумать, – ответила Лида.

– Как соотнести ваши ответы друг с другом? Первый – на второй вопрос и, соответственно, второй на первый?

– Ага, сон про не сон и про не сон сон, – рассмеялась она.

– А зачем думать над предложением коллеги продолжить обсуждение вопроса в кафе? Разве в этом есть что-нибудь предосудительное? – упрямо продолжал Гордеев.

– Пожалуй, вы правы... – согласилась Лида.

– Ты прав, – поправил Юрий.

– Ну да. Ты прав. Можно и в кафе. Тем более что действительно очень хочется кофе.

– Отлично. Одеваемся и идем.

Тут зазвонил мобильный телефон Гордеева.

– Я слушаю, – произнес Юрий.

– Привет, котик, – раздался в трубке громкий женский голос. Достаточно громкий, для того чтобы сидящая неподалеку Лида могла слышать каждое слово. Юрию показалось, что в ее глазах промелькнуло легкое разочарование.

– Привет... – непонимающе ответил Гордеев.

– Надеюсь, ты узнал меня?

– Нет, – последовал ответ.

– Ну как же... – обиделся голос в трубке. – Мы ведь договорились сегодня днем, что встретимся. Я прислала тебе фотографию. Ты же Юрий?

– Нет-нет, – испуганно начал оправдываться Гордеев. – Я не Юрий. Вы ошиблись. Не туда попали.

– Как это не туда? Это же номер... – девушка назвала семь цифр гордеевского телефона.

– Да, но вам, вероятно, дали ошибочную информацию, здесь нет никакого Юрия. Хотите, моя жена вам это подтвердит? – Гордеев с мольбой во взгляде пихал трубку Лиде. Та, презрительно глядя на него, взяла телефон.

– Алло, с кем я разговариваю? – сказала она в трубку тоном уверенной в себе жены.

– Я – Света. А ты кто?

– А я – жена, – не моргнув глазом ответила Лида.
– Чья? – раздался резонный вопрос.
– Мужнина, – прозвучал не менее резонный ответ.
– Это не Юрий? – спросили в трубке после небольшой паузы, во время которой звонящая, видимо, обдумывала новую информацию.
– Нет, я точно не Юрий, – твердо ответила Лида.
– Я имею в виду, вашего мужа зовут Юрий?
– Нет.
– Он успешный адвокат?
– Нет, – повторила Лида, – моего мужа зовут Фрол, и он заправщик на бензоколонке. Если хотите, отдаю его в ваше полное распоряжение.
– Вот еще, – презрительно ответили в трубке. – Оставь своего бензинового Фрола при себе.

Тут же раздалась короткая гудка.

– Спасибо, Лидочка, ты меня спасла от этой сумасшедшей. Ну что, теперь идем? – поинтересовался Гордеев.

– Не за что, Фрол, – насмешливо ответила Лида. – Но попьем кофе мы, пожалуй, в другой раз. Что-то расхотелось.

Лида сняла с вешалки плащ и вышла в коридор. Гордеев остался обескураженно стоять с пиджаком в руках посреди кабинета.

Следующий день прошел в напряженной работе. Юрий после недавнего конфуза оставил попытки перейти в фазу более близких отношений и целиком погрузился в дела. Лидия оказалась очень толковым напарником, помогала Гордееву советами и действиями. Она прекрасно знала судопроизводство и подготовила все нужные бумаги. К концу рабочего дня необходимые для суда материалы были готовы, четкая стратегия продумана, неопровержимые доказательства невинности Зайцева собраны.

– Ну что ж, Лида, мы с тобой славно сегодня потрудились. Ты мне очень помогла, – благодарно сказал Гордеев, поставив последнюю точку в деле.

– С тобой очень приятно и интересно работать, – отозвалась любезностью на любезность она. – Мне нравится твой подход.

– Спасибо еще раз.

Они попрощались и отправились по домам.

На следующее утро в суде было немногочленно. Слушание дела проходило практически в пустом зале. Сонная женщина в черной судейской мантии, не пытаясь скрывать скуки, охватившей ее, часто зевала, широко открывая рот. Обвинитель приводил массу каких-то фактов о составе бетона и других стройматериалов, давил на безответственность Зайцева и под конец потребовал для него уголовной ответственности.

Гордеев же не стал углубляться в технические детали, а просто привел несколько документов, которые указывали на то, что Зайцев выбрал фирму-однодневку совершенно случайно и вынужденно. Чем быстро убедил всех присутствующих в абсолютной невинности своего клиента. Судья, которой надоело слушать экспертные заключения о марках бетона, обрадовалась такому скорому завершению процесса и, не сомневаясь, вынесла оправдательный приговор. В общем-то, и со стороны истца не были особенно недовольны, поскольку дом оказался застрахованным. Через пять минут зал опустел.

Зайцев еще долго тряс руку Гордеева, благодаря за удачный исход дела, попросил номер телефона «на всякий случай», попрощался и немедленно уехал. Лида с Юрием вернулись в контору. Розанов встретил их благодушно, продемонстрировал чек на крупную сумму – гонорар от Зайцева – и пригласил молодых людей отпраздновать это дело по завершении рабочего дня. Никто не возражал.

Ровно в шесть часов они собрались в кабинете начальника. Там уже был накрыт стол со всевозможными закусками и напитками – гонорар Зайцева позволял не скупиться. Розанов пригласил к застолью, произнес первый тост за сплоченную команду и пожелал Лиде поскорее влиться в нее. Гордеев тут же заметил, что Лиде это уже удалось. После первой рюмки хорошего коньяка застолье стало протекать менее официально. Через некоторое время Розанов заявил, что ему пора уходить, а Лида с Гордеевым, если хотят, еще могут продолжать веселиться в его отсутствие. Но она вдруг тоже почему-то засобиралась домой. Юрий вызвался проводить ее. Лида подумала, что для сохранения душевного равновесия ей следовало бы отказаться от этого предложения. Но от коньяка вдруг потеплело на душе, и ей действительно захотелось, чтобы Гордеев ее проводил.

Они вместе вышли на улицу, Юрий остановил такси, любезно распахнул дверь, пропуская Лиду вперед.

– Можно тебя спросить? – начал он уже в машине. – Меня давно мучает один вопрос.

– Спрашивай, раз мучает, – согласилась Лида.

– Почему ты согласилась работать у нас? – спросил Гордеев.

– То есть? – подняла бровь Лида.

– Ну, по твоему виду не скажешь, что ты нуждаешься в деньгах, и, судя по всему, тебя вряд ли может устроить тот гонорар, который полагается стажеру, – уточнил адвокат.

– Я работаю не за деньги, – пожал плечами Лида. – Мне действительно интересно. А моему материальному состоянию помогает бывший муж.

– Да, знаю, ты уже успела побывать замужем, – кивнул Гордеев.

– Официально я там еще и есть, хотя мы давно не живем вместе, – грустно произнесла Лида.

– И кто же твой муж?

– Он крупный бизнесмен, живет в Андреевске. Слышал про такой город?

– Да, конечно. Областной центр... Ты тоже оттуда?

– Родилась там, выросла. Хороший город, уютный.

– К сожалению, никогда не приходилось там бывать... И что же у вас не заладилось? – возвратился Юрий к теме неудачного Лидиногo замужества.

– Да так... Неважно, – ответила она. – Не хочу об этом говорить.

– Извини, если полез не в свое дело, – сказал Гордеев, глядя на дорогу.

– Ничего, – великодушно простила его Лида. Но остаток пути они ехали молча.

Наконец машина остановилась возле длинного многоэтажного дома. Гордеев расплатился, помог Лиде выйти из автомобиля и повел ее к подъезду.

– Ну что ж, спасибо, что проводил, – сказала Лида, когда они подошли к двери.

– Да не за что, мне было приятно. Извини еще раз, если обидел.

– Ничуть, все в порядке, просто не люблю рассказывать про свою личную жизнь.

– Я тоже – кивнул Гордеев.

– Правда? – Глаза Лиды чуть затуманились.

– Да. Гораздо лучше думать о будущем, чем о прошлом, – сказал Гордеев, пристально глядя в глаза Лиды, – ну или о настоящем.

– Наверное, если бы ты любил рассказывать о своем прошлом, тебе много чего было бы вспомнить.

– Ну-у, – протянул Гордеев, – в общем, да...

– Так я и думала. – В глазах Лиды заиграли озорные искорки.

– Почему? – Гордеев сделал вид, что очень удивлен.

– А у тебя вид такой.

– Какой?

– Располагающий.

– К чему?

– К приключениям.

– М-да, – почесал затылок Гордеев, – сразу видно юриста, хоть и начинающего. Раскусы-
вает человека за пять минут. У тебя большое будущее. Можешь работать следователем.

– Но это не свойство юриста, – покачала головой Лида. – Это свойство женщины.

– Тогда женщины – лучшие юристы, – совершенно серьезно, глядя ей в глаза, произнес
Гордеев.

– А ты что, в этом сомневался?

– В общем, нет.

Они разом расхохотались. Потом замолкли.

– Ну что, будем прощаться? – нерешительно произнесла Лида.

– Будем, – кивнул Гордеев, хотя на самом деле прощаться совершенно не намеревался.

Он вдруг наклонился и нежно поцеловал Лиду в губы. Та, не пытаясь отстраниться, тоже
ответила ему поцелуем. Потом они некоторое время постояли в молчании.

– Я, кажется, опять сделала глупость, – сказала наконец Лида, теребя конец пояса своего
плаща.

– Напротив, ты поступила очень правильно. И я очень рад этому, – ободрил ее Гордеев.

– Серьезно? – с сомнением произнесла Лида.

– Даже слишком, – проникновенно сказал Гордеев.

– Ну ладно, мне, пожалуй, пора, – заметила Лида и начала набирать код домофона.

– И мне. – Гордеев зашагал к дороге. Потом вдруг обернулся и крикнул:

– Я очень-очень рад, что ты пришла к нам работать. Я позвоню завтра, можно?

Вместо ответа Лида, улыбнувшись, неопределенно махнула рукой и, как-то странно улы-
баясь, посмотрела на Гордеева, который уже успел отойти.

– Слушай, – нерешительно сказал он, – а может быть... у тебя найдется для меня чашечка
кофе? Очень вдруг кофе захотелось.

– Кофе? – переспросила Лида.

– Ага... Именно кофе. Мы ведь с тобой так его и не попили.

– Ну что ж, кофе у меня найдется, – решительно сказала Лида, открывая дверь подъезда.
Однако отведать обещанный Лидой кофе Гордееву довелось только на следующее утро.

2

Яркое солнце, широким снопом бьющее из окна, разбудило Юрия Гордеева, он поморщился, потянулся, закутался в одеяло, перевернулся на другой бок и попытался снова уснуть. Потом снова перевернулся и сделал еще одну попытку. Но сон больше не приходил. Какое-то непонятное чувство беспокойства не давало ему вновь погрузиться в сон. Гордеев лежал в таком полусонном состоянии минут пять и все-таки поднялся.

Солнце смеялось и танцевало за окном, уличный гул вливался в комнату: щебетали птицы, заливались веселым хохотом мальчишки и девчонки, звонко гавкали собаки. Все радовались теплым весенне-летним денькам.

Гордееву стало тошно от этой всеобщей жизнерадостности, он что-то проворчал под нос, встал, по привычке соблюдая правило – всегда подниматься с правой ноги, – тут же выругался и на эту глупую примету, и на себя и побрел в ванную.

Он вовсе не был ворчливым, недовольным жизнью пессимистом. Причина его беспокойства и плохого настроения заключалась в следующем: три дня назад куда-то пропала Лида. Причем пропала совершенно бесследно. Ни звонка, ни привета, как говорится.

Все три дня Гордеев непрерывно названивал ей то на сотовый телефон, то на домашний. Но сотовый находился «вне зоны действия сети», а на домашнем выводивший его из себя автоответчик вновь и вновь просил оставить сообщение после сигнала. И Гордеев оставлял. Но ни ответа, ни привета по-прежнему не было...

Гордеев уже начал себя ругать: «Ну какого черта я ей названиваю! Ясно же, что не хочет со мной разговаривать. И чего я как ненормальный! Это же самый обыкновенный женский способ отшить пристающего кавалера». Хотя после той запомнившейся ему (и, надеялся он, Лиде тоже) ночи их отношения были абсолютно безоблачными, кто знает, что этим бабам придет в голову в следующий момент? Да и Лида совсем не производила впечатление монашки. Наверняка у нее действительно еще кто-то был...

Но несмотря на все эти доводы, на душе у Гордеева было мутно. И он даже собирался съездить к ней домой.

«Ладно, если я ей надоед, понять можно. Но как человек вот так может наплевать на работу! Она же мой стажер. Это ее шанс выйти в свет, так сказать. А если скоро будет новое дело?!» – думал Гордеев.

Он пытался успокоить себя тем, что она ненадолго куда-нибудь уехала. В конце концов, у каждого человека своя жизнь, свои какие-то проблемы. Имеет же она право... Но, рассуждая дальше, он приходил к выводу, что не имеет. То есть, конечно, имеет право, но обязана была предупредить, сообщить что-либо. Она же все-таки адвокат (будущий), а не уборщица какая-нибудь с ненормированным рабочим днем. Кроме того, она его, Гордеева, стажер, и обязана предупреждать обо всех своих отлучках.

Рассуждая так и к тому же успев узнать Лиду как ответственного и умного человека, Гордеев опять начинал волноваться. «Что-то здесь не так, – думал он. – Она обязательно бы предупредила, если бы собралась куда-нибудь уехать, обязательно сообщила бы. И что за бредовое предположение, будто она специально не берет трубку, скрывается от меня?... Какой смысл? Я веду себя как ревнивый идиот!»

К тому же Гордеев привык к тому, что его предчувствия и интуиция почти никогда не обманывают. А сейчас у него именно было плохое предчувствие. Поэтому его все это так раздражало.

Как бы там ни было, Гордеев решил не поднимать панику раньше времени. Он подумал, что нужно сначала еще раз съездить к Лиде домой, подождать какое-то время, поговорить с

Розановым, все у него узнать, а уж если она за это время не появится и ничего не прояснится, тогда уж бить тревогу.

Так он и сделал. Сегодня у Гордеева почти не было дел, и он решил заняться поиском Лиды немедленно.

Подъехав на машине к ее дому, Гордеев столкнулся с небольшой проблемой: домофон. Он не знал кода. А к подъезду, как назло, никто не шел.

Со стороны Гордеев выглядел достаточно подозрительно. Он в раздумье стоял около Лидиногo подъезда и грустным взглядом провожал проходивших мимо людей.

Сидящие на лавочках около дома бабушки с явным неодобрением косились на него и даже начали о чем-то перешептываться.

Все же, чем стоять неизвестно сколько около входной двери, он решил попытать счастья и обратился к группке бабушек:

– Простите, кто-нибудь из вас живет в этом подъезде?

– Ну я живу! – отозвалась бойкая бабушонка с лицом сморщенным, как печеное яблоко.

– Вы не могли бы впустить меня в подъезд?... – попросил Гордеев.

– С какой это стати! Я вас не знаю, вы тут не живете! – безапелляционно ответила бабушонка.

– Да, но мне нужно узнать, дома ли один мой очень хороший приятель, который живет в этом подъезде, – объяснил Гордеев.

– Позвоните в домофон и узнаете! – отрезала бабушка.

– Дело в том, что я не помню номера ее квартиры. – Гордеев старался говорить спокойным голосом, хотя его терпение иссякало. – Расположение помню, а номер нет.

– А вы к кому? – с подозрением спросила другая бабушка, в белой опрятной косынке и с добрым лицом.

– Я к Лидии Ермолаевой, – сказал Гордеев.

– Это на пятом этаже, что ли? – вмешалась первая.

– На четвертом, – поправил ее Гордеев.

– Да, верно, на четвертом. Но я все равно вам дверь не открою. Вдруг вы нам соврали? – упрямо произнесла первая бабушка, угрожающе покосившись на вторую.

– Я не вру, – возразил Гордеев.

– Откуда мне знать, врите вы или нет? – с явным подозрением сказала бабушка.

– Я адвокат, – применил последний аргумент Гордеев.

Бабушки переглянулись:

– Покажите документы!

– В смысле паспорт? – уточнил Гордеев.

– Нет, там, где написано, что вы адвокат.

– Минутку. – Адвокат полез во внутренний карман пиджака, потом пошарил по остальным карманам, открыл сумку... Удостоверения Московской коллегии адвокатов не было.

Бабушки с огромным интересом наблюдали за манипуляциями Гордеева.

– Я забыл удостоверение... – виновато потупившись, промямлил Гордеев.

– Где забыли? – насмешливо поинтересовались бабушки.

– Не знаю... Дома, наверное, – автоматически ответил Гордеев, хотя никакого отчета им он давать вроде был не должен.

– Ну на нет и суда нет! – отрезала бойкая бабушка. – Звоните в милицию, пусть они вас пропускают.

– В милицию ради того, чтобы попасть в подъезд? – опешил Гордеев.

– Да, – с откровенным уже подозрением глядя на него, сказала бабушка, – заодно пусть вашу личность проверят!

– А личность зачем? – удивился Гордеев. – У вас в доме действует усиленный паспортный контроль?

– А вдруг вы нам бомбу подложить хотите? – тоном, не терпящим возражений, отреагировала старушка.

– Если бы я хотел подложить бомбу, я бы давным-давно узнал код. И не светился бы сейчас перед вами, – резонно возразил Гордеев.

– Молодой человек, я сказала «нет!» Значит, нет! – отрезала бабка. Другая, которая была добрее, предпочла не связываться со своей подругой, хотя Гордеев видел, что она была готова ему помочь.

Гордеев поразился добросовестности старушки, или как там это лучше назвать, и ему ничего не оставалось, как поплестись опять к подъезду.

На его счастье к дверям бежал какой-то мальчишка. Увидев у двери незнакомого мужчину, он растерялся, но не преминул поинтересоваться:

– Дядя, вы к кому?

– Ты открывай, открывай, мальчик, – нетерпеливо сказал Гордеев.

– Нет, я открывать не буду, – твердо сказал мальчик и даже заложил руки за спину, – я вас не знаю.

– А ты разве знаком со всеми, кто приходит в ваш подъезд? – спросил Гордеев.

– Нет. Но мне мама сказала, чтобы я не пускал в подъезд посторонних людей. Вы, может быть, грабитель, или террорист, или этот... как его... маникак! – сказал мальчишка.

«Еще один подозрительный! – со вздохом подумал Гордеев. – Вот время-то настало!»

– Я не грабитель, не террорист и не маньяк. Я адвокат, понимаешь? В суде работаю.

Мальчик покачал головой:

– Вдруг вы врете? У вас есть документ?

Гордеев вздохнул:

– Удостоверения при себе нет.

– Ну вот видите! – мальчик скрестил руки на груди.

– И как же мне попасть внутрь?

– А к кому вы? – подумав, спросил мальчик.

– К Лидии Ермолаевой. Она со мной работает. Тоже адвокат, – сказал Гордеев.

– Это с четвертого этажа? Красивая такая?

– Да, она самая, – кивнул адвокат.

– А если вы врете? – повторил мальчик.

– А если я тебе денег дам? – Гордеев быстро терял терпение.

– Сколько? – загорелись глаза у мальчика.

– Пятьдесят рублей, – подумав, сказал Гордеев.

– Сто пятьдесят! – быстро поправил его мальчишка.

– Ты со мной еще и торгуешься? – сдвинул брови Гордеев.

– Сто пятьдесят! – невозмутимо повторил мальчик.

– Хорошо. – Гордеев вынул бумажник и отстегнул ребенку сто рублей.

Мальчишка задумчиво покрутил в руках купюру, вздохнул, сунул ее в карман и быстро набрал код. Дверь открылась, и Гордеев наконец-то очутился в Лидином подъезде.

Как и ожидалось, Лиды не было дома. Гордеев держал руку на кнопке звонка минут десять, пока из квартиры напротив не вышла соседка. Она выносила мусорное ведро. Подозрительно оглядев Гордеева с ног до головы, она немного постояла, уперев кулак свободной руки в талию, потом недовольно спросила:

– Вы к Лидии?

– Да, – ответил Гордеев, сняв палец с кнопки звонка.

– Неужели вы не видите, что никого нет дома? Раз не открывают... – недовольно произнесла соседка.

– Извините. – Гордееву стало неловко, в который уже раз сегодня...

Ведь и правда логично, если никто не открывает, значит, никого нет дома, чего зря звонить? Но он все никак не мог отойти от двери. Его не оставляло чувство беспокойства и дурацкое положение неведения.

Соседка уже выкинула мусор и возвратилась обратно. Теперь она еще злее смотрела на Гордеева, и тот понял, что ничего хорошего от нее ждать не приходится. Еще вызовет милицию! Тут все жильцы бдительные до ужаса...

– Простите... – обратился к ней Гордеев.

Она опять недовольно приподняла бровь.

– Скажите, вы Лидию давно видели?

«Черт! Как на допросе вышло», – подумал он про себя.

– А вы кто, собственно? – бесцеремонно поинтересовалась соседка.

«Ну какая тебе разница! Если скажу, что брат или муж, тебе легче станет?! Если такая подозрительная, просто не разговаривай со мной! Можно подумать, будь я вором или бандитом каким-нибудь, я бы ей так прямо в этом и признался! Однако если я скажу, что адвокат и Лида работает у меня, она тоже может потребовать удостоверение... А когда я его не покажу, насторожиться». – Он набрался терпения, чтобы не хамить, и ответил:

– Понимаете, я ее брат двоюродный. Приехал в Москву по делам, скоро уезжать, хотел сестру навестить, а все никак застать не могу. Может, она уехала куда-нибудь, она вам не говорила?

«Вот черт! – продолжал про себя ругаться Гордеев. – Такие тетki просто заставляют врать! А если разобраться, чего я вру? Зачем? Разве я что-то криминальное делаю? Пропал человек, а я просто хочу ее найти!»

– Так это вы день назад приезжали, тоже все стояли, звонили... – пристально глядя на Гордеева, сказала соседка. – Я в глазок наблюдала.

Гордеев покачал головой.

– Нет, это был не я... – При этом у Гордеева знакомо засосало под ложечкой.

«Значит, я был прав. У нее кто-то есть еще. Правда, и он ее искал... Значит, у нее не я один, а как минимум двое!»

– Она мне ничего не говорила. Мы с ней мало общаемся. Только здороваемся иногда, – сказала соседка. – Да и видеть-то я ее не видела что-то давно, дня три уж, наверно. Уехала куда-нибудь...

«Неужели все это нельзя было сказать сразу!»

– Спасибо, – ответил Гордеев. – До свидания.

Через пять минут Юрий сидел в своей машине и размышлял: «Что-то тут не так. Все-таки не могла она просто взять и уехать ни с того ни с сего, не предупредив меня. Может, она что-нибудь Розанову сказала? Да нет, он бы мне наверняка сообщил. Но надо попытаться счастья. Остается одно – ехать к Розанову, может, он мне что-то прояснит».

Подумав так, Гордеев завел машину и поехал в свою юридическую консультацию. А приехав, напрямик направился в кабинет Генриха Розанова.

– А, Гордеев! Проходи, садись, – как всегда добродушно обратился к нему Розанов, когда Гордеев вошел в кабинет. – Как дела? Как жизнь молодая?

Поздоровавшись за руку со своим начальником и усаживаясь на стул, Гордеев решил начать прямо с главного. Чего время-то тянуть!

– Генрих Афанасьевич, у нас чепэ, – серьезным тоном произнес он.

– Что такое? – поднял бровь Розанов.

– Лида пропала, – сказал Гордеев.

– То есть? – с недоумением глядя на него, спросил Розанов.

– Ну ее нигде нет, – объяснил Гордеев.

– Может, просто заболела? – предположил Розанов. – Ты ей домой звонил?

– Конечно, звонил! – сказал Гордеев. – Даже ездил. Дома ее нет. На телефонные звонки не отвечает. Она же не могла уехать куда-нибудь, не предупредив меня! У нас ведь совместная работа...

– Хм... – Розанов забарабанил пальцами по столу, – ...интересное кино...

– Она вам, случайно, ничего не говорила?

– Не говорила... – ответил Розанов. – А на мобильный звонил?

– Конечно, – отозвался Гордеев. – Глухо.

– Так... – Розанов помрачнел. – И давно ее нет?

– Три дня. Значит, вам она совсем ничего не говорила?

Розанов отрицательно покачал головой. По его лицу было заметно, как он обеспокоен и расстроен.

– Она бы ведь предупредила, если бы собиралась куда-то уезжать?...

– Ну конечно, предупредила бы! Она, мне кажется, очень ответственный человек.

– Вот и я думаю, что-то здесь не так...

– «Так», «не так»? – Розанов встал из-за стола и заходил по комнате. – А ведь это все ты!

– Что я? – не понял Гордеев.

– Она ведь твоя подопечная, твоя стажерка. – Розанов остановился рядом с Гордеевым и ткнул в него указательным пальцем.

– Ну и что? – развел руками Гордеев.

– А то! – строго объяснил Розанов. – Не уследил! Вот так доверяй тебе подрастающее поколение. А говорил: «У меня талант Макаренко»...

– Подождите, подождите, Генрих Афанасьевич! – запротестовал Гордеев. – Что значит – «не уследил»? Я же не сиделка, не нянечка в детском саду. Лида взрослый человек... Самостоятельный.

– Ты – учитель! – поднял указательный палец Розанов. – Ты – старший! А потом, я видел, между вами искорка пробежала...

Гордеев решил не углубляться в эту тему.

– Ну кто же мог знать, Генрих Афанасьевич! И потом, вы так говорите, будто случилось что-то непоправимо страшное. Мы еще ничего не знаем!

– Не знаю, страшное – не страшное, но что-то случилось, это точно, – твердо сказал Розанов. – Так просто она исчезнуть не могла.

Гордеев с опущенной головой сидел за столом и чувствовал себя провинившимся школьником в кабинете директора. «Ничего себе обвинения, – думал он. – Оказывается, это я еще во всем и виноват! Хорошенькое дельце!»

– Ну и что ты собираешься теперь делать? – строго спросил его Розанов.

– Найти ее, – ответил Гордеев, пожимая плечами. – Что я еще могу сделать?

– Как? Где искать будешь?

– Не знаю...

Розанов наконец перестал ходить по комнате, сел опять за стол и внимательно посмотрел на Гордеева.

– Ты бывший следователь, поэтому должен знать, – веско сказал он.

– Пока у меня нет ни одной версии, – грустно ответил Гордеев. – Может быть, вы мне что-нибудь расскажете о ней? Ну или о ее родственниках... Где искать? У кого спрашивать? Вы же ее как стажера ко мне направили. У вас, наверно, должны быть какие-нибудь данные о ней.

– Ну какие, какие данные? – по-стариковски проворчал Розанов. – Она – выпускница юрфака МГУ. А порекомендовал ее нам Кравцов, ее муж. Бывший уже, кажется. Крупный бизнесмен из Андреевска...

– Откуда? – переспросил Гордеев.

– Город такой есть. Андреевск. Знаешь?

– Ага... Областной центр.

– Точно. Так вот, Кравцов Сергей Сергеевич – молодой преуспевающий бизнесмен... – продолжал Розанов.

– Может быть, она уехала именно туда, в свой Андреевск? – предположил Гордеев.

– Весьма возможно, – согласился Розанов. – Во всяком случае, поиск я бы на твоём месте начал именно оттуда.

Но тут у Гордеева зазвонил сотовый телефон. Он вскочил, будто его ударило разрядом тока. У него в мыслях было одно – Лида!

– Да, я слушаю, – почти закричал в трубку Гордеев.

– Юрий Петрович? Добрый день, – раздался спокойный размеренный баритон. – Это вас Константин Павлович беспокоит. Зайцев. Ваш бывший подзащитный, – добавил голос.

– А-а, Константин Павлович, здравствуйте, – разочарованно отозвался Гордеев.

Розанов недовольно махнул рукой, сел в кресло и уткнулся в какой-то документ.

– Извините, я сейчас, – тихонько сказал Гордеев Розанову и вышел из кабинета. – Как поживаете, Константин Павлович?

– Спасибо, хорошо... Ну я сразу к делу перейду, – продолжал голос в трубке. – Не хотите ли взяться еще за одну работу? Да, есть еще одно дело.

– Как, опять вас защищать? Снова дом обвалился? – пошутил Гордеев.

– Нет, к счастью, все дома стоят... Защищать надо не меня, – засмеялся голос.

– А кого?

– На сей раз моего брата.

– Криминальная у вас, однако, семейка, – пошутил Гордеев.

– Да уж, это точно... Но уверяю, как в прошлый раз в случае со мной, так и теперь, мой брат совершенно невиновен. Возьметесь?

– Смотря какое дело. Расскажите вкратце.

– Видите ли, мой брат баллотируется в губернаторы Андреевской области. А его соперники, так сказать, пытаются от него избавиться.

– Как это «избавиться»? – поинтересовался Гордеев.

– Ну, удалить его из предвыборной гонки. Навешали на него всех собак... Оклеветали. Короче говоря, нам с вами надо будет встретиться, и я вам все подробно расскажу.

– Нет, вы знаете, наверно, ничего не получится... – подумав, ответил Гордеев.

– Но почему? У вас сейчас много неотложных дел?

– Нет... Но, знаете ли... – протянул Гордеев.

– Что же тогда? – перебил его Зайцев.

Гордеев почувствовал в его голосе металлические начальственные нотки.

– Дело в том, что самые ненавистные для меня дела – это дела подобного рода, – признался Гордеев.

– Почему? – спросил Зайцев.

– Скажу вам честно, потому что, по моему мнению, политика – это одна сплошная грязь, – объяснил Гордеев.

– Ну-у... – протянул Зайцев, – на самом деле это далеко не так. Есть чистая политика. И чистые политики.

– И один из них, конечно, ваш брат? – спросил Гордеев.

– Да, – уверенно ответил Зайцев, не почувствовав иронии. – И для того, чтобы политика не воспринималась как нечто грязное и бесчестное, ну... вот как вы сейчас о ней сказали, надо сделать так, чтобы честных политиков было как можно больше. А для этого надо помочь моему брату.

– Вы знаете, у меня уже не раз был такой опыт работы, – сказал Гордеев со вздохом. – Я знаю, на выборах все подсиживают друг друга, пытаются друг друга убрать... И большей частью все это надумано, сфабриковано!..

– Вот именно, – подтвердил Зайцев.

– ...И на самом деле не разберешь, кто прав, а кто виноват, потому что этим занимаются абсолютно все.

– Но мой брат честный политик! – возразил Зайцев.

– Дай-то Бог... – без энтузиазма ответил Гордеев. – Но в конце концов обнаруживается столько грязных делишек, и у подзащитных, и у их соперников, что где правда, где ложь, уже не понятно. Поймите, я ни в чем не хочу обвинять вашего брата, но я просто ненавижу дела подобного рода. Мне противно в них копаться.

– Вообще-то, на то вы и адвокат, чтобы копаться в разных неприятных делах, – прозвучал в трубке довольно веский ответ.

– Да, но каждый адвокат волен выбирать себе то дело, которое ему по душе, с которым он в силах совладать, – не менее веско ответил Гордеев.

– Есть много дел, которые нам не по душе, – возразил Зайцев, – однако и их тоже надо как-то решать.

– Константин Павлович, милый, поймите, я не из собственной прихоти отказываюсь, я действительно ненавижу такие дела и не уверен, что смогу выручить вашего брата.

– А если я попрошу вас... То есть я и так прошу вас. Но прошу вас как друга. Помогите.

– Константин Павлович!.. – взмолился Гордеев.

– Ну что же вы, Юрий Петрович!

– Я не отказываюсь помогать вашему брату. Но сама эта атмосфера! Я ненавижу политические игры... Вот если у вас возникнет еще какая-нибудь проблема со строительством, милости прошу.

– Тогда посоветуйте, к кому мне обратиться. Посоветуйте мне какого-нибудь хорошего, – он особенно выделил это слово – «хорошего», – адвоката, которому было бы не противно в этом участвовать. И который принес бы конкретную пользу. А то, знаете, город у нас хоть и не такой маленький, но все же не Москва, и если сейчас не восстановить доброе имя, то...

– Черт! – вдруг выругался Гордеев.

– Что? – переспросил Зайцев. – Знаете хороших адвокатов, которые бы согласились?

С минуту помолчав, Гордеев вдруг встрепенулся:

– Как вы сказали город, то есть область, называется?

– Андреевск. Андреевская область.

– Хорошо... Да, хорошо, – задумчиво проговорил Гордеев.

– Что «хорошо»? – поинтересовался Зайцев.

– Пожалуй... – Гордеев подумал несколько секунд, а затем решительно заявил: – Я берусь за это дело.

– Вы это серьезно? – осторожно переспросил Зайцев.

– Куда уж серьезней, – твердо сказал Гордеев.

– Хм... Интересно, все адвокаты такие? – хохотнул Зайцев.

– Какие?

– Ну... Быстро меняющие свое мнение.

– Не знаю. Но я именно такой, – как ни в чем не бывало ответил Гордеев.

- Ну ладно, – заключил Зайцев. – Спасибо, Юрий Петрович! Выручили.
 - Ну пока еще не выручил...
 - Но я уверен, что ваша помощь будет действенной.
 - Когда и где мы с вами встретимся?
 - Это дело очень серьезное, поэтому, я думаю, на нейтральной территории не стоит встречаться, лучше я приеду к вам в контору. Скажем, завтра. Договорились?
 - Договорились, – вздохнул Гордеев.
- Когда он вернулся в кабинет Розанова и тот вопросительно посмотрел на него, первыми словами Гордеева были:
- Ну, Генрих Афанасьевич, вот я и отправляюсь в Андреевск.
 - Это еще зачем? – недовольно поморщился Розанов.
 - По делу Зайцева.
 - Ты же его уже вроде завершил.
 - Оказывается, у Зайцева есть брат, который тоже нуждается в адвокатской поддержке.
- И, кроме того, я надеюсь найти там Лиду.

3

Гордеев с утра пребывал в дурном настроении. Пропажа Лиды не давала ему покоя. Больше всего изводила неизвестность. Если бы Юрий знал, что она сбежала именно от него, то переживал бы, конечно, но все-таки смирился. Если бы подозревал, что Лиде угрожает какая-то опасность, то бросил бы все свои силы ей на помощь. Если бы, в конце концов, они бы поругались и после этого Лида исчезла, то Гордееву вообще не пришлось бы в голову переживать. Но в руках адвоката не было ни одной ниточки. Ни единой, способной привести к ответу, куда подевалась Лида. Оставалось только ждать случая. Какого? Гордеев и сам не знал этого. Единственное, что он сейчас мог предпринять, – это поехать в Андреевск. Но и там шанс найти Лиду мог появиться только случайно...

Еще с самого раннего детства Юрий верил в счастливый случай, верил, что он дается каждому, главное – вовремя схватить удачу за хвост. Но вот так сидеть и ждать в полном бездействии было совершенно невыносимо. Гордеев буквально не находил себе места, не мог заниматься делами, сосредоточиться. Он постоянно прокручивал в голове бесконечные варианты возможных причин исчезновения Лиды, включая самые фантастические. Самое главное, что это не приносило ни малейшей пользы...

Когда на следующий день в дверь кабинета постучали, Юрий рассеянно отозвался, и тут же в кабинет просунулась голова Зайцева. Гордеев вопросительно уставился на него.

– Добрый день, – сказал Зайцев. – Можно к вам?

– Да, конечно, проходите, – спохватился Юрий. Он только сейчас вспомнил про то, что вчера договаривался с Зайцевым о встрече.

– Я не вовремя? – спросил визитер, заметив растерянность хозяина кабинета.

– Нет, все в порядке. Я внимательно вас выслушаю. Вы, насколько мне помнится, хотели поговорить о деле своего брата.

– Да, все правильно, – кивнул Зайцев, заходя в кабинет.

– Присаживайтесь, – показал Гордеев на стул для посетителей. На этот раз он был свободен – вчера Гордеев выбросил все ненужные бумаги в урну.

– Но должен предупредить вас, что дело запутанное, – сказал Зайцев, усаживаясь. – Но я все-таки очень вас прошу взяться за него.

– Постараюсь сделать все, что в моих силах.

– Кстати, насчет гонорара не беспокойтесь. Ваши усилия будут достойно вознаграждены.

– Это радует, – улыбнулся Гордеев. – Видимо, мой гонорар будет выплачен из предвыборного фонда вашего брата?

– Нет, – ничуть не смутившись, ответил Зайцев, – из личных сбережений.

– Ну хорошо... Изложите сначала суть вопроса, будьте добры, – едва заметно раздражаясь, перебил его Гордеев.

– Конечно, простите... Итак... – Зайцев нервничал и никак не мог начать свой рассказ.

Гордеев попытался помочь ему:

– Итак, у вас есть брат...

– Да-да, – подхватил Зайцев. – Брат. Евгений. Женя. Он совершенно необыкновенный человек. Это не просто красивые слова, каждый, кто был знаком с ним, может это подтвердить. Я уверен, что, если бы вы знали его, сказали бы то же самое.

– Ну, – вставил Гордеев, – думаю, у нас будет шанс познакомиться. И чем же он так необыкновенен?

– Понимаете, у него с детства было повышенное чувство справедливости и стремление помогать всем обиженным. К нам все мальчишки из двора ходили за советами и помощью, Женька никому не отказывал. Он был кем-то типа третейского судьи. Споры разрешал. Совсем

еще ребенком был, а все равно всех внимательно выслушивал, все взвешивал, решал так, чтобы все по совести было. И авторитетом всегда пользовался непререкаемым.

«Какая идиллическая картина, – подумал Гордеев, – прямо Робин Гуд, Гаврош и Дон Кихот в одном лице. Интересно, это все отражено в предвыборной агитации?»

– ... И мы с ним очень дружны были, – продолжал Зайцев. – Знаете, как иногда бывает, растут двое мальчишек в одной семье и возникает ревность какая-то, или зависть, или несправедливость. Так вот у нас, поклясться могу, никогда такого не было, за всю жизнь ни разу. Мы, наоборот, всегда друг за друга горой стояли, перед родителями оправдывали, от учителей защищали. И всегда вместе ходили. Он гулять – и я за ним, я в библиотеку – и он туда же. Не могли надолго разлучаться, сразу же скучать начинали. А если случалось такое, то при встрече наговориться не могли. Редко такое между братьями бывает, а у нас вот так повелось. Нас даже сиаемскими близнецами называли. И хотя он старше меня был, правда не намного, у нас все равно были общие занятия, друзья. Никогда такого не случалось, чтобы кто-то прикрикнул на меня: мол, иди отсюда, малявка, здесь взрослые собрались. Так и росли бок о бок. Откровенно могу сказать, что Женька для меня самый родной на свете человек, даже ближе родителей.

В старших классах интересы наши разошлись, я имею в виду то, что касается академических дисциплин. Меня к военному делу никогда не тянуло, я больше был к точным наукам склонен. Математикой увлекался серьезно, даже на курсы ходил. А Женька тот с детства грезил об армии. Но не так, как большинство мальчишек – им бы только пострелять, брат к этому очень серьезно относился, книги изучал. Учебники для военных ВУЗов по тактике, стратегии откуда-то притаскивал, читал взахлеб. Суворова наизусть цитировал. Представляете, даже когда художественную литературу читал, «Полтаву», например, или «Войну и мир», графики какие-то чертил, схемы, планы, линии обороны обозначал, еще черт знает что, я-то в этом деле ничего не понимаю. Поэтому не удивительно, что он без труда поступил в общевоинское училище, а потом и в военную академию. Там экзаменаторы только диву давались, когда он отвечал. Радовался Женька – не описать. Стыдно признаться, но мы тогда с ним первый раз в жизни напились по-взрослому. Ох, влетело же от родителей тогда! Пришли домой еле живые. Нет, ну действительно первый раз в жизни я тогда водку попробовал.

И Женька тоже. Он сказал тогда: «Я в институт поступил, взрослый человек уже, имею право отпраздновать по-человечески». И пошли мы с ним в грязную забегаловку рядом с вокзалом, в которой собирались все оборванцы города. Вонь там всегда была невыносимая, горелым луком несло и капустой прокисшей. Дым стоял от сигарет – хоть топор вешай. И вот зашли мы в это заведение, сели так солидно за стол, официантку ждем. Подошла толстенная тетка, по пятнам на ее фартуке можно было рассказать, что заказывали в этом кафе в течение двух последних месяцев. Женька заказывает, а я дрожу от страха, что нас сейчас прогонят к чертовой матери или, что гораздо хуже, в милицию позвонят или родителям. Мне тогда казалось почему-то, что милиция только и ждет повода, как бы подловить меня на каком-нибудь неблагоприятном поступке. Пока я дрожал, брат заказал графин водки и тарелку винегрета, на более обильную закуску денег не хватило. И как-то мы лихо опорожнили этот графин, минут за тридцать. Еще бахвалились, что хмель не забирает. Как из забегаловки вышли, еще помню, а вот как домой добирались – для меня до сих пор тайна. Следующее, что помню, – очнулся дома под раковиной, а надо мной стоит мама и испуганно отца зовет. Не поняла она, что со мной, думала, плохо стало. Подошел отец, наклонился, понюхал и говорит спокойно: «Да он же пьяный, надо спать уложить». (Женька-то умудрился до кровати сам доползти.) Вот, а на следующий день нам всыпали по первое число. А брат меня еще выгораживать пытался, говорил, что один виноват, меня споил. Больше мы такого не повторяли. То есть Женька вообще не пил практически потом. А мой следующий раз случился только лет через десять, у друга на свадьбе.

Учеба у Женьки хорошо шла, он еще и мне по институту помогать умудрялся, закончил академию с красным дипломом. И отправили его сразу на Дальний Восток служить. С тех пор мы видаться редко стали. Приезжал он на побывку на несколько дней – и снова в часть. Да и помотался по свету немало. И на Дальний Восток, и в Казахстан, и на границу с Монголией – куда только ни закидывало его. Но надо сказать, ни разу не слышал я, чтобы он пожаловался. Одни то и дело ноют: регион опасный, климат плохой, население дикое, все не нравится, все ужасно. А Женька с каждого нового места назначения такие письма восторженные писал. Я ими, как книгами, зачитывался, оторваться не мог. Да что уж говорить – две войны прошел: в Афгане отгарабанил от звонка до звонка, три ранения, и каждый раз из госпиталя – снова в строй. А ведь командиром был, мог бы за спинами солдат спрятаться, в штабе отсидеться... Женька же всегда в самое пекло лез, под пулями ходил, как под дождем. Скольким ребятам жизнь спас – и не сосчитать. Не успел от Афганистана в себя прийти – через несколько лет Чечня грянула. И он опять туда. Причем по собственной воле. Но не потому, что людей убивать захотелось. Он знаете что говорил? Говорил, мол, ребят жалко, кругом их обложили – и свои, и чужие, причем непонятно еще, кто больше давит. Поэтому, говорил, когда им тяжело, хоть кто-то рядом должен быть, кто поддержать может, помочь. А бойцы его любили как! Описать не могу. До сих пор письма шлют со всех концов света. Благодарят, говорят, что Женька многое в их жизни к лучшему поменял, многому научил. И в Чечне он еще одно ранение заработал, но тогда уже комиссовали, несмотря на протесты его и сопротивление. Практически силой домой отправили. Переживал он страшно...

Тут Зайцев прервался и взглянул на Гордеева, как бы оценивая, насколько внимательно тот слушает.

Гордеев уже длительное время сидел в одной позе не двигаясь, не перебивая рассказчика, не отводя взгляда от блестящей поверхности стола. Со стороны могло даже показаться, что Юрий уже давно витает где-то далеко, но на самом деле он улавливал каждое слово, обращал внимание на малейшие изменения в интонациях Зайцева, от него не ускользнула ни одна деталь из рассказа посетителя.

– Что же вы замолчали? Продолжайте, пожалуйста, – будто очнувшись от оцепенения, попросил Гордеев.

– Да я просто задумался, как бы вам объяснить, для чего я все это рассказываю. Я хочу, чтобы вы поняли, что я не просто так все это начал. Нужно, чтобы вы очень точно уяснили для себя, что за человек мой Женя. Может быть, вам кажется, что я очень много лишнего всего говорю, но вы поймите, для меня это очень важно.

– Не оправдывайтесь, – мягко произнес Гордеев. – Я весь внимание. В нашем деле не бывает ничего лишнего, любая мелочь может иметь огромные последствия и объяснять разные загадочные, не связанные друг с другом на первый взгляд события.

Юрий вновь застыл в смиренной позе, устремив взгляд в пространство, как будто рассматривал что-то важное, но видимое только ему одному. Зайцев уже, кажется, привык к такой манере адвоката слушать и продолжил:

– Вернулся брат домой в чине генерал-майора. Все думали, что сейчас наконец начнется у него спокойная жизнь. А он, не дав себе даже месяца отдохнуть, взялся за нелегкие дела. Организовал в Андреевске общество помощи военнослужащим, вернувшимся с войны, он-то лучше других знал, как это необходимо. Затем создал фонд, в который поступали деньги для нуждающихся. Добился открытия реабилитационного центра для ребят, покалеченных войной. Вы слышали про Андреевск?

– Слышал, слышал. Да вот и совсем недавно про него вспоминал, – ответил Юрий, но что-то внутри его подало знак, что, может быть, это и есть тот самый счастливый случай.

– Знаете, обычно, когда человек за такие дела берется, тут же появляются разговоры о том, кто сколько наворовал, – рассказывал дальше Зайцев. – А у Женьки такая репутация была,

что ни один злой язык не повернулся про него что-то недоброе сказать. Серьезно. Я, например, ни разу не слышал. Хотя в наше время ни одно предприятие без этого не обходится. Ему же все безоговорочно верили. На открытие центра высокие чины из Москвы приезжали, брату руки жали, восхищение свое высказывали. И всем бы был Женька доволен, если бы не тот беспредел, что в городе нашем творится. Вся администрация города и области прогнила насквозь, все чиновники – взяточники и воры. Андреевск до полного обнищания дошел, школы на глазах рушатся, ни одного кинотеатра действующего не осталось, ни одного стадиона. Только кабаков всюду понастроили, в городе народу столько нет, сколько этих притонов развелось. А мы ведь в Андреевске родились. Я-то в Москву потом перебрался, а брат не захотел, хотя возможностей достаточно было. Я, говорит, еще в своем родном городе не все сделал, чтобы в чужой ехать. Вот и пришла ему в голову шальная мысль – баллотироваться в губернаторы. Как раз и выборы приближаются. Я пытался его от этого безумия отговорить, как будто чувствовал, что произойдет что-то. А он сказал: «Интересная штука получается: все хотят жить хорошо, в чистом, уютном, спокойном городе. Где царит порядок и закон. Все хотят ругать правительство и власть, потому как те поступают неправильно. Но почему-то никто не хочет предпринять хоть какие-то реальные попытки, чтобы что-то изменить. Кто-то же должен, в конце концов, порядок навести?»

Я его спросил: «Но почему именно ты? Что ты один сможешь сделать? Даже если у тебя все получится, станешь ты губернатором, все остальные-то останутся. И как был бардак, так бардак и будет. Один честный чиновник ничего не изменит». А он упрямый до жути: «Почему, – говорит, – один? Это сначала, а потом увидят люди, что по-другому жить можно, и за мной потянутся». До сих пор не перестаю удивляться, насколько же он наивный! За полтинник мужику давно, а вот, поди ж ты, верит в светлые идеалы. Он ведь действительно был уверен, что может один все изменить.

Зайцев снова замолчал, как бы собираясь с силами перед продолжением рассказа.

– Хотите чаю? – предложил Гордеев.

– Не откажусь, спасибо. А где ваша помощница? Такая девушка симпатичная. Лида, кажется? – спросил вдруг Зайцев.

– Лида... Лиды несколько дней не будет, – замялся Юрий, наливая кипяток в большие темно-синие кружки и доставая два чайных пакетика из небольшой картонной коробки.

– Приболела, наверное? Жаль. Очень милая девушка. Передавайте от меня привет, пусть выздоравливает, – сказал Зайцев.

– Скажите, – спросил Гордеев, ставя кружку с чаем перед Зайцевым, – а вы последнее время часто бывали в Андреевске?

– Не сказать чтобы часто, но когда время свободное выдавалось, всегда старался вырваться. Брата навестить, родственников. Друзья у меня там остались, – охотно ответил Зайцев.

– Наверное, многих там знаете?

– Да, многих, – кивнул Зайцев. – Я ведь в память о молодости, проведенной в городе, много там со строительством помогал, заодно и с людьми знакомился. Так что связи не прервались...

– Угу, понятно, – пробормотал Гордеев и добавил чуть громче: – Что же было дальше? Зайцев сделал большой глоток чая и снова заговорил:

– Девятого мая в городе были большие празднества. Сначала, как водится, парад на главной площади, цветы, подарки. А потом верхушка сделала театральный жест – организовали встречу с ветеранами и журналистами. Это для того, чтобы вторые смогли запечатлеть, как городская власть заботится о ветеранах. Ну и брата пригласили тоже, потому что в городе его знают, любят и уважают, и обойтись без боевого генерала, да еще и перед прессой, не могли. Женька всю эту компанию во главе с мэром и Ершовым, губернатором, терпеть не может, но из

уважения к старикам согласился, не мог не поздравить. Короче говоря, поулыбались в камеры, вручили старикам ценные подарки, пообещали в считанные дни улучшить, увеличить, повысить и на этом торжественное мероприятие закончилось. Ветераны разбрелись по своим халупам, а вся эта воронья стая отправилась продолжать банкет за город, на шашлыки. Женьку, кстати, тоже звали, но он отказался. А на следующий день к нему домой ворвалась милиция, брата скрутили, надели наручники и кинули в каталажку. Он сидел там трое суток, не имея возможности сообщить кому-нибудь о том, что случилось, и даже не зная, в чем его обвиняют. А потом объявили на весь город, что Зайцев Евгений Павлович – боевой генерал и кристальной чистоты человек – застрелил маленькую девочку. Женька, как узнал об этом, так чуть с инфарктом не слег.

Оказывается, произошло вот что: как я уже говорил, праздник продолжился за городом, рядом с чьей-то дачей. И там была убита маленькая девочка, лет восьми-деяти, Соня Маковская. Убита выстрелом в голову.

Гордеева передернуло от вставшей перед глазами картинки.

– Я вас понимаю, не каждое сердце выдержит, – сочувственно кивнул Зайцев. – Не могу, конечно, восстановить точную картину событий, но позвольте мне предположить. Шайка-лейка упиалась в течение получаса, и отдыхающие решили пострелять. У Ершова, кстати, это любимое развлечение. У него в кабинете даже электронный мини-тир оборудован. И вот в этот злополучный момент неподалеку оказалась эта несчастная девочка. Наверное, то была шальная пуля, вылетевшая из оружия, принадлежащего кому-то из этих сволочей...

Конечно, разразился огромный скандал, весь город был поднят на ноги, об этом случае только и разговоров было. Но дело попытались свернуть. Придумали такую откровенную глупость! Будто бы девочка покончила жизнь самоубийством. Вы можете себе это представить? Восемилетний ребенок берет боевое оружие и хладнокровно стреляет себе в голову? Абсурд! Но, слава богу, нашелся один честный эксперт, который категорически эту версию отмел. Я не специалист, боюсь, что не смогу внятно объяснить, но на коже Сони отсутствовали следы пороха, как должно было бы быть при самоубийстве, и это значит, что стреляли с приличного расстояния. Как только стало известно, что девочка была убита, явились за моим братом. Но он здесь ни при чем! Могу голову дать на отсечение. Его же там вообще не было. Алиби, правда, у него отсутствует. А другая сторона уже разыскала свидетелей, которые показали, что Женя якобы напился до звериного состояния, стал агрессивным, бросался на людей, схватил оружие, начал стрелять куда ни попадя и случайно попал в ребенка. Но дело в том, что Женька после последнего ранения вообще пить не может, тут же голова начинает болеть так, что он кричит криком, хотя четыре ранения перенес и ни разу не пикнул. Но кого это волнует? Нашли виноватого – и слава богу. Тем более что Женькин арест многим на руку. Чем меньше претендентов на губернаторский пост, тем лучше. Поэтому, я думаю, что желающих восстановить справедливость будет не много, уверен, никого. Я разговаривал с адвокатами в городе, ни один не берется за это дело. Одни боятся, другие понимают, что это практически бесполезно, третьим просто наплевать или они давным-давно куплены. Так что, Юрий, вы моя последняя надежда. Помогите. Я видел вас в деле и понял, что вы опытный, профессиональный, талантливый адвокат. Я заплачу столько денег, сколько вы потребуете, даже если для этого мне нужно будет продать все, что у меня есть. Ради брата я готов на все, – завершил свой длинный рассказ Зайцев.

– М-да, – протянул Гордеев, выслушав эту историю, – тут доказать что-то будет очень трудно. Сами подумайте, прокуратура и суд в руках губернатора... Как его?

– Ершов.

– Да, вот этого Ершова, для которого ваш брат соперник и враг. То есть я на каждом шагу буду встречать самые разные препятствия. Понимаете?

Зайцев кивнул:

– Конечно, понимаю... Но другого выхода нет.

– Дело непонятное... И, думаю, будет очень тяжело доказать невиновность вашего брата. Гордеев еще некоторое время пребывал в молчании, обдумывал что-то, взвешивал все за и против, что-то прикидывал, подсчитывал. Наконец произнес:

– Кстати, а вы знаете человека по имени Сергей Кравцов? Он, если я не ошибаюсь, из вашего города.

– Сергей Кравцов? – воскликнул Зайцев. – Конечно, знаю такого. Хороший парень, солидный бизнесмен. Да в нашем городе его каждая собака знает.

– А жену его не знаете?

– Никогда не видел. Я с ней не знаком. Впрочем, говорили, что она в Москву уехала, потом судачили, что разошлись они... Я подробностей не знаю, да и незачем мне в чужую жизнь лезть. А вы почему спрашиваете?

Гордеев не ответил, потом снова заговорил:

– А адрес этого Кравцова, где живет, чем занимается, где найти его можно – вы знаете?

– Ну, если надо, могу легко узнать. А в чем дело? Объясните мне наконец, – не выдержал непонятных вопросов Зайцев.

– Послушайте, – сказал Гордеев. – Я займусь делом вашего брата, но и вы мне тоже помогите.

– Я? Целиком к вашим услугам. Правда, пока не понимаю, чем могу вам помочь, но все, что в моих силах, сделаю.

– Видите ли, – осторожно начал Юрий. – Вы ведь помните Лиду, да? Ту самую. Милую стажерку, которая вам так понравилась.

– Конечно, помню.

– Так вот, Лида и есть бывшая жена Кравцова.

– Да что вы?! – всплеснул руками Зайцев. – Никогда бы не подумал. Хотя лицо вашей напарницы с первого взгляда мне показалось немного знакомым, но я не придал этому значения. Видимо, я все-таки видел ее в Андреевске мельком. Но почему же все-таки вас так интересует ее муж?

– Понимаете, Лида исчезла три дня назад. Я искал ее всюду – никаких следов. Абсолютно никаких. Я ничего не знаю о ней. Не видел ее друзей, знакомых, не подозреваю даже, к кому могу обратиться за помощью. Кто может дать какую-либо информацию о ней, назвать какие-то места, где она может быть, каких-то людей, с которыми Лида общалась. Кравцов – это единственная ниточка, которая есть у меня. Я хочу увидаться с ним, может, он что-то подскажет. Вы поможете мне его найти?

– Конечно. Без вопросов, – ответил Зайцев. – К тому же найти Кравцова нетрудно. Вам любой таксист покажет его дом. Если вы поедете в Андреевск и возьметесь за дело моего брата, я сделаю все возможное, чтобы помочь вам в поисках Лиды. По рукам?

– По рукам, – сказал Юрий и протянул Зайцеву свою ладонь.

Затем они заключили договор на защиту, договорились о дате прибытия Гордеева в Андреевск, после чего Зайцев, заручившись согласием адвоката взяться за это нелегкое, по мнению Гордеева, дело, ушел. Юрий проводил гостя и помчался домой готовиться к отъезду.

4

Колеса мерно стучали по рельсам. Гордеев дремал, прислонившись щекой к вагонному окну. Это было у него с самого детства, – под приятное укачивание и постукивание колес просто невозможно не уснуть. Но тут сквозь сон он услышал сначала осторожное покашливание, а потом приятный женский голос:

– Пассажир! Подъезжаем к Андреевску.

– Спасибо большое, – моментально отреагировал он и приветливо улыбнулся проводнице в форме, которую попросил сообщить ему, когда будет Андреевск.

Та удовлетворенно кивнула, оставила на столике его билет, и удалилась.

Гордеев сладко потянулся, потом встал, приготовил свои вещи и вышел в тамбур покурить.

«Так... Что мы делаем первым делом? – задумался он. – Где тут искать Лиду? И вообще, здесь она или нет? Кто знает? Но если рассуждать так... Предположим, что Лида здесь. Тогда где именно? Скорее всего, у мужа. Нужно искать у мужа... Хотя почему же обязательно у мужа? Она же с ним в разводе, хоть и не оформленном. Видимо, у них нет никаких контактов. Нет, ну для проверки, конечно, сначала нужно к мужу идти. Так, стоп! Что я говорю? Это разве для меня приоритетная задача? Первым делом надо как-то устроиться здесь. Познакомиться с делом Зайцева. А по ходу дела уже попытаться разыскать Лиду».

Он раздавил окурок в пепельнице. Поезд уже начал притормаживать. Объявили станцию, и Гордеев, прихватив свои вещи, сошел на платформу.

Андреевск, как сразу же отметил Гордеев, был обыкновенным областным городом, таким же, как десятки других российских областных центров. Их одноликие привокзальные площади очень мало отличались друг от друга, и если бы его, Юрия, привезли с закрытыми глазами в какой-нибудь из таких городов, где он уже был, вряд ли он, выйдя вот так из поезда, вспомнил бы его точное название. Хотя, возможно, он преувеличивал...

Однако некоторые отличия все-таки были. В Андреевске готовились к предстоящим выборам губернатора. По всему вокзалу были расклеены большие плакаты с изображением серьезного человека с мудрыми глазами и благородной сединой. Под портретами имелась надпись крупными буквами: «Моя цель – материальное и социальное благополучие жителей Андреевска! Порядок в городе и порядочность власти! Мудрость и справедливость законов! Вместе мы изменим жизнь к лучшему!» И размашистая подпись: «Ершов».

«М-да, немудрёно, – подумал Гордеев. – Как всегда, много обещаний и пафосных фраз и ничего конкретного».

При выходе из ворот вокзала какой-то бойкий парнишка всучил ему яркую цветную брошюру с лицом все того же седого кандидата в губернаторы на обложке и надписью: «Активная социальная защита!» И далее: «Моя программа».

– Да на кой черт мне... – выругался Гордеев.

Но паренек уже был занят другим прохожим. В конце концов, не выбрасывать же демонстративно брошюру! Уныло размышляя: «Вот деятельность развели, чтоб их...» – Гордеев побрел дальше с этой программкой в руках. Впрочем, дойдя до урны, он все-таки опустил в нее брошюру. И с облегчением пошел дальше.

На небольшой площади перед вокзалом стояли самые разнообразные автомобили, в основном обшарпанные «Жигули». Впрочем, попадались и древние иномарки. Рядом с машинами томились их хозяева в ожидании клиентов.

– Подбросить? – К Гордееву подошел человек лет сорока в кожаной коричневой куртке и такой же кепке.

«Вот так и должен выглядеть настоящий шофер», – отметил про себя Гордеев, а вслух сказал, устало улыбнувшись:

– Да, шеф! Надо подвезти.

– Ну так запрыгивай, – тот небрежно открыл перед Юрием заднюю дверь своей, казалось, проржавевшей насквозь «копейки».

– А она поедет? – с сомнением оглядывая рыжие пятна на крыльях, поинтересовался Гордеев.

– Садись-садись! – нетерпеливо сказал водитель. – Машина – зверь! Она еще нас с тобой переживет!

– Ага, и внукам достанется... – пробормотал Гордеев.

– Откуда? – вместо ожидаемого «куда?» спросил шофер.

– Из Москвы, – ответил Гордеев.

– У-у, – протянул шофер, поворачивая ключ зажигания. – А чего это вас в нашу глубинку занесло?

– По делам, – коротко ответил Гордеев. – И не такая уж у вас глубинка.

– Может быть... Но по сравнению с Москвой... – Водитель выруливал со стоянки.

– Да ладно вам, – ободрил его Гордеев.

– Куда ехать-то? – почему-то недовольным голосом произнес шофер, выезжая на трассу.

– Сейчас скажу. – Гордеев быстро достал из кармана брюк бумажку с названием гостиницы, которую ему порекомендовал Зайцев. – Гостиница «Кентавр».

«Название-то какое красивое, южное такое, теплое, – подумал еще тогда Гордеев. – Хозяин, наверно, античность любит...»

– А, это новая, что ли? – спросил шофер.

– Я, честно говоря, не в курсе, – ответил Гордеев.

– Ну да, новая... – задумчиво сказал шофер.

– Недавно построили? – поинтересовался Гордеев.

– Лет семь назад.

– Кажется, эта гостиница Кравцову принадлежит?

– Не знаю, – протянул шофер. – Кто их сейчас разберет, что кому принадлежит. Может, и Кравцову.

– А хорошая, не знаете? – так просто, чтобы поддержать разговор, спросил Гордеев. Зайцев и так все рассказал ему об этой гостинице.

– Не знаю, не был, – отрезал водитель.

«Копейка» мчалась по залитой солнцем дороге. Старушка и правда была еще в форме – легко разгонялась и ехала довольно резво.

– Да, машине действительно пока на свалку рановато, – заметил Гордеев.

– А то! – с готовностью кивнул водитель. – Семьдесят девятого года выпуска, а бегаёт, как новая! Главное, машину в порядке содержать. Сам езжу, сам ремонтирую. Все вот этими руками.

Он показал Гордееву мозолистую ладонь.

Денек выдался на славу – теплый, яркий. Солнечные лучи красили всю землю, парки, улицы, даже кургузые каменные пятиэтажки по бокам дороги. Буквально по всему городу, заметил Гордеев, почти на каждом столбе, на каждом доме были расклеены плакаты с портретами кандидатов в губернаторы. Чаще всего попадались изображения того седого и серьезного человека на ярко-красном фоне.

– Я смотрю, у вас тут все к выборам готово, – насмешливо заметил Гордеев.

– Угу, – недовольно кивнул шофер. – Свои морды везде поразвешивали, смотреть тошно. Все в красных тонах! Будто революция какая! Еще флаги красные с их портретами осталось водрузить!

Гордеев засмеялся.

– Ну а за кого голосовать будете? – спросил он.

– Ни за кого! – пожал плечами шофер. – Я вообще голосовать не пойду.

– Чего так? – спросил Гордеев.

– А что толку-то? Как говорится, голосуй – не голосуй, все равно получишь известно что... Лучше я на участок поеду, в земле покопаюсь. Ну или вот на машине калымить буду. – Он ударил по стертому до блеска рулю «копейки». – Хоть денег заработаю. А на выборы ходить – дело зряшное. Они поставят того, кого им нужно, а не того, кого мы выбирать будем. Да и выбирать-то особенно некого. Вот этот, – он кивнул головой на красный плакат на столбе, – Ершов, уже на третий срок избирается. А что он сделал за два предыдущих? Хрена лысого... Ничего! Только лапши на уши навешал да домов для себя понастроил. А вон, вишь, какую предвыборную кампанию развел! Плакаты, книжки, брошюры! «Порядочность власти»! «Справедливость законов»! Угу, куда уж порядочнее и справедливее! Кстати, все это на бату-ринские деньги...

– Батурин? Кто это? – заинтересовался Гордеев.

– А это бандюга один крупный, – объяснил водитель, – бизнесмен, значит, по-современному.

– Сурово вы их, – рассмеялся Гордеев. – Ведь есть же и честные бизнесмены?

– Нет! – уверенно ответил водитель. – Нету честных! Все они жулики как один. Нашли каждый свою дойную корову, вот и все. А народ голодает...

– Какая же дойная корова у этого Батурина? – спросил Гордеев.

– Не знаю... Какими-то темными делишками занимается. Ну и активно Ершова поддерживает. Вот это все на его деньги. – Водитель показал на очередной рекламный щит, на котором губернатор Ершов пожимал руку ветерану, у которого вся грудь была в орденах. Под фотографией значилось: «Свято хранить заветы отцов». – Вот... Ну был еще один кандидат, ну вроде поначалу более или менее ничего, генерал-майор в отставке, в Афганистане был. А его кандидатуру сняли. Он, вишь, гад, девочку маленькую застрелил. Сволочь!

После этих слов Гордеев посерьезнел.

– Застрелил девочку? – задумчиво переспросил он.

– Ну да, – подтвердил таксист. – Напился и застрелил. Это у них развлечение такое – идут в лес, устраивают пьянку, ну и начинают палить во все стороны. А девочка случайно там оказалась.

Гордеев вспомнил, что об этих развлечениях местной элиты ему уже рассказывал Зайцев.

– А может быть, его оклеветали, чтобы вывести из этой предвыборной гонки... – сказал Гордеев. Сказал и тут же осекся: «Зачем я все это ему говорю?»

– Ой, да ладно! – махнул рукой шофер. – Напился мужик, крыша у него поехала... Они же все, кто из Афгана вернулись, сдвинутые. Может, померещилось чего. Душман какой-нибудь... Кто знает? Ему бы в психушке обследоваться, а он туда же – на выборы. А вот оправдать-то его наверняка оправдают! Такие шишки всегда безнаказанными остаются! Вот вам и «справедливость законов»!

– Как же оправдают, если он ребенка застрелил?

Водитель посмотрел на Гордеева, как на новорожденного.

– Как? Очень просто. Адвокатов московских наймет, вот и все. Деньги у него на это найдутся.

– Ну и что? – упорствовал Гордеев. – Если он виноват, адвокаты не помогут.

– Адвокаты на суде всем мозги запудрят. Работа у них такая, понимаете? – растолковал водитель.

Гордеев кивнул и мрачно посмотрел в окно. Хорошо еще, водитель не знает, что везет именно такого московского адвоката, которого нанял, не кто иной, как сам Зайцев... Инте-

ресно, как бы он отреагировал? Впрочем, Гордеев решил воздержаться от экспериментов, к тому же он был удовлетворен общением с шофером.

Между тем уже подъехали к гостинице. Это было строгое семиэтажное здание с большим газоном перед ним и огромными стеклянными дверями.

– А что, Кравцов тоже жулик? – поинтересовался Гордев, когда они остановились.

– Конечно, – махнул рукой шофер, – все они одним мирром мазаны...

Гордеев расплатился с шофером и направился к дверям. Перед ним на высокой мощной опоре красовалась большая позолоченная эмблема – круг, а в нем получеловек-полуконь с копьем в руке. Надпись в греческом стиле гласила: «Гостиница „Кентавр“».

Стеклянные двери предусмотрительно разъехались перед Гордеевым, и он очутился в просторном холле. Мраморный пол был убран коврами. На коврах стояли кожаные кресла и стеклянные столики. На стенах висели небольшие картинки, изображающие сцены из греко-римских мифов. Работал кондиционер, распространяя приятную прохладу.

Гордеев подошел к рецепшн. Навстречу ему тут же встали две молоденькие девушки в белых блузах с приклеенными на лицах улыбками и с усталыми глазами, словно говорящими: «Как же вы все нас достали!»

– Добрый день, – с готовностью пропели они. – Чем мы можем быть вам полезны?

– Добрый день, – ответил Гордеев, сразу оценив одну из девушек, миловидную блондинку с большими зелеными глазами, и обращаясь по преимуществу к ней. – Я хотел бы снять номер. Это возможно?

– Вы не бронировали? – поинтересовалась блондинка.

– Нет.

– Хорошо. Тогда, будьте добры, ваш паспорт, – попросила она.

Гордеев вынул из внутреннего кармана документ и протянул его девушке.

– На сколько дней вы хотели бы снять номер? – спросила она.

– Точно не знаю... – отозвался Гордеев. Он действительно не знал, на какой срок задержат его здесь дела. «Хорошо бы быстро закончить да и вернуться в Москву, – подумал он. – Только вот вряд ли получится».

– А на сколько оформлять? – спросила девушка.

– Давайте пока на три дня, – с минуту подумав, ответил Гордеев.

Когда все формальности были соблюдены, девушка торжественно вручила Гордееву ключ от его номера.

– Жаль, что это не ключ от вашего сердца, Надежда, – между делом заметил Гордеев, посмотрев на приколотую к ее груди визитку.

Девушка вежливо улыбнулась и промолчала.

– Надежда, скажите, у меня есть надежда? – продолжал Гордеев.

Ее напарница уже не улыбалась, она с пренебрежением смотрела и на блондинку, которая не знала, что ответить, и на заигрывающего с ней Гордеева.

– Надежда на что? – игриво поинтересовалась блондинка.

– Как на что? – поднял брови Гордеев. – На взаимную симпатию, конечно.

– Все зависит только от вас, – промурлыкала девушка.

– То есть я должен себя показать? – спросил Гордеев.

Девушка смущенно пожала плечами.

– Что ж, договорились, – сказал Гордеев. – Постараюсь показать себя с лучшей стороны.

Девушка засмеялась, и этот ее смех был настолько искренен, что Гордееву первый раз за все это время стало спокойно и тепло на душе. «Хороший знак», – подумал он про себя, никогда раньше не замечая за собой склонности к суеверию.

Он поднялся на четвертый этаж на лифте. «Номер 75» – было выбито на массивной металлической груше, к которой крепился ключ. Коридор был застелен зеленой ковровой дорожкой. Гордеев прошел через небольшой холл с телевизором и увидел дверь своего номера.

На поверку оказалось, что больше всего средств было потрачено при строительстве этой гостиницы на роскошный нижний холл. Этажи и номера оказались не такими богатыми, обстановка, можно сказать, была вполне спартанской. Но, по крайней мере, аккуратные горничные старательно поддерживали здесь чистоту и порядок. По андреевским меркам гостиница, конечно, претендовала на твердую пятерку, по московским – на троечку с плюсом.

В более или менее просторной комнате располагались двухместная кровать, застеленная темно-зеленым покрывалом (кстати, такого же цвета были и занавески), небольшая тумбочка с оригинальным ночником в стиле модерн, маленький журнальный столик, встроенный в стену сейф, микроскопический холодильник, на котором находился небольшой телевизор. Короче говоря, все тут было какого-то уменьшенного размера. «Как будто для лилипутов», – почему-то подумал Гордеев, открывая холодильник. Там имелись две малюсенькие бутылочки с красным и белым вином и неожиданно большая, двухлитровая, бутылка пепси-колы.

Коврик перед кроватью и обои на стенах были бежевого цвета. Над постелью висела маленькая картина, больше похожая на аппликацию, изображающая пресловутого кентавра, который скакал по лесу.

Гордеев кинул сумку на постель и сам завалился следом. Он устал и ему было лень разбирать вещи, аккуратно все раскладывать по полочкам в шкафу.

«Сейчас только в душ с дороги и немного поспать. А вечером разберу все вещи. Ну а завтра уже займусь делами, пойду в местную прокуратуру», – думал уже почти засыпающий Гордеев. Но, пересилив свою усталость, он поднялся и побрел в ванную.

После душа наступили такие легкость и расслабление, что Гордеев уснул сразу же, как только опустил голову на подушку. Он надеялся поспать до вечера, но проснулся лишь утром следующего дня.

5

Спирин Андрей Васильевич, следователь андреевской городской прокуратуры, всей своей душой надеялся стать сватом мэру Андреевска Каширину. Тогда бы, считал он, решились многие его проблемы. Он перестал бы так сильно зависеть от Каширина. Родственные отношения, они все-таки обязывают... Хотя, впрочем, для Каширина и иже с ним слово «обязанность» – пустой звук. Однако Спирин все равно надеялся. Проблема была в одном: его дочка совсем не любила сына Каширина. Правда, эту проблему Спирин отметал, как настоящий деспотичный папаша. Его больше беспокоило другое: еще было неизвестно, серьезны ли намерения сына Каширина, может быть, он вовсе и не собирается жениться на его дочурке.

Однажды, довольно давно (хотя, впрочем, и не слишком), оперуполномоченный Спирин чуть не загремел со службы из-за мэра города, когда задержал за продажу фальшивых долларов двадцатилетнего парнишку. Откуда же ему было знать, что это сын самого Каширина? Дело конечно же уладили, а вот самому Спирину пришлось худо.

«А будет еще хуже!» – понимал оперуполномоченный. Но дело повернулось совсем иначе. И удивлению Спирина не было предела. Мало того, что его благосклонно простили, вскоре он даже сделался следователем. Разумеется, не за так просто... Последовал недвусмысленный намек: «Вы очень ответственно подходите к своей работе. Это очень хорошо. Мы вами довольны. И нам очень нужны свои люди в прокуратуре». Нужны, так нужны! Разве ж он, Спирин, против? Он не против. Далеко не против! Наоборот, рад стараться, раз такое дело. По крайней мере, материальная сторона жизни Спирина начала существенно улучшаться.

А потом неожиданно оказалось, что сын Каширина ухаживает за его дочкой. Спирин возблагодарил небеса и стал размышлять о близкой свадьбе и приданом для дочери и месте проведения свадьбы. А еще потом, не без помощи мэра Каширина, Катенька Спирина поступила в Академию нефти и газа в Москве. Туда же, в Москву, отправился и сын Каширина делать свой бизнес.

Поэтому в каждом телефонном разговоре с дочерью Андрея Васильевича интересовало только одно:

- Как там Сергей? Приезжает к тебе? Ты его часто видишь?
- Какой еще Сергей, пап? – как ни в чем не бывало отвечала дочь.
- Что значит какой Сергей?! – сердился отец. – Каширин! У тебя там много Сергеев, что ли?!
- Ой, один, один! – без всякого энтузиазма в голосе отвечала дочь. – Да заходит иногда...
- Что значит «иногда»? – пугался отец.
- Да надоел он хуже горькой редьки! В Москве столько девчонок шикарных. И чего он только ко мне прицепился!
- Ты, Катюха, не смей так говорить! – наставительно говорил Спирин. – Он же тебя любит!
- Ну конечно, любит! – вяло реагировала Катенька. – А я-то его нет!
- Ничего, Катенька, ничего, – наставлял ее Спирин. – Парень он видный, из хорошей семьи... Стерпится – слюбится.
- Ну вот еще! – капризно возражала дочь. – Я его терпеть не собираюсь.
- Поговори у меня! – начинал сердиться Спирин.
- Все, пап, мне пора, – предусмотрительно заканчивала разговор Катенька. – Целую, пока.
- Да. Кать, это... – спохватывался Спирин. – Как учеба-то?
- Нормально. Продвигается, – торопливо отвечала дочь. – Все, пока.

– Ты, Кать, это... – просил ее Спирин. – Нормально чтоб все... Серегу не обижай. Он хороший парень. Сын мэра! Может, что у вас и получится там, а?

– Все, пап, пока.

– Ну пока, пока. Ты не забывай, что я тебе говорю-то... Поняла? – Но в трубке уже раздавались короткие гудки.

Спирин клал трубку и глубоко вздыхал. Беда с этими детьми...

...Гордеев вошел в кабинет следователя Спирина, и сразу же в голове его промелькнуло: «Нет, с этим дела нормально не пойдут».

За столом сидел тучный человек с хмурым недовольным лицом. Он делал вид, что напряженно изучает какие-то материалы. Услышав, как хлопнула входная дверь, он недовольно приподнял голову, презрительным взглядом окинул с головы до ног Гордеева и опять погрузился в чтение.

Гордеев поморщился. Он терпеть не мог такого типа людей, которые делают вид, будто у них проблем больше, чем у других, и будто их проблемы важнее и серьезнее, чем у всех остальных. Весь вид Спирина говорил: «Ну что ты здесь ходишь, ошиваешься, меня от важных дел отрываешь. У тебя делишки – тьфу, а у меня – ого-го! Тебе сюда лучше и не соваться!»

– Добрый день, – громко произнес Гордеев, подходя к столу следователя. – Гордеев Юрий Петрович, адвокат Евгения Зайцева. – Он протянул ему для пожатия руку.

Спирин окинул его таким ледяным и презрительным взглядом, что Гордеев понял: надеяться на какую-либо помощь бесполезно. Не подавая ему руки, Спирин ответил:

– Спирин Андрей Васильевич, веду дело Зайцева.

«Да, с тобой каши не сварить. Предчувствие, как всегда, не обмануло», – подумал Гордеев, и так как следователь не предложил ему присесть, он сам придвинул стул и сел на него.

Спирин внимательно смотрел на Гордеева, наконец выдавил из себя:

– А документы?

– Ах да, – спохватился Гордеев и достал из кармана удостоверение.

– Хорошо... – внимательно изучив документ, сказал Спирин. – Ну и?...

– Ну и, – усмехнулся Гордеев, пряча удостоверение в карман, – хотелось бы взглянуть на дело Зайцева.

Следователь так долго и напряженно изучал лицо Гордеева после этих его слов, что Юрий посчитал нужным добавить:

– Как адвокат имею право.

Спирин медленно поднялся, открыл шкафчик, достал оттуда папку и, не говоря ни слова, небрежно бросил ее на стол.

– Спасибо, – произнес Гордеев, беря папку. – Ничего, что я прямо здесь изучу дело? Правда, наверно, буду мешать вам своим молчаливым присутствием, отвлекать вас от каких-нибудь серьезных дел, – съязвил он.

– Ничего, – грубо ответил Спирин. – К тому же вы не имеете право выносить дело. А отдельной комнаты у нас все равно нет. Так что придется терпеть...

Он снова погрузился в чтение.

Гордеев пожал плечами и открыл папку.

«9 мая 2002 года в лесу близ железнодорожной станции... была убита Софья Дмитриевна Маковская, 1993 года рождения...» Гордеев пролистывал дело и узнавал уже известные ему факты.

Но тут вдруг его взгляд остановился на таких строках:

«По заключению экспертизы установлено, что при совершении данного преступления был использован автомат АКМ. На месте происшествия были обнаружены две гильзы АКМ с калибром 7,62 мм... По результатам баллистической экспертизы установлено, что выстрел был произведен с расстояния 20–25 метров... По результатам врачебно-медицинской экспертизы

были обнаружены две пули в области грудной клетки убитой, одна из которых и привела к моментальной смерти...»

«Вот так вот, – пронеслось у Гордеева в голове. – Этот факт мне не был известен. Я думал, она убита из пистолета».

– Странно, – произнес он вслух.

– Что странно? – насторожился следователь, поднимая голову.

– У меня были другие сведения насчет убийства... – задумчиво произнес Гордеев.

– Какие же? – поинтересовался Спирин, впрочем, без особого интереса.

– Ведь поначалу, кажется, утверждалось, что девочка убита из пистолета... – сказал Гордеев.

– У вас ошибочные сведения, – нахмурился Спирин.

– В таком случае, не у меня одного, – пристально глядя ему прямо в глаза, произнес адвокат.

Спирин сурово, даже с ненавистью, как показалось Гордееву, посмотрел на него, пожал плечами и медленно процедил:

– Перед вами уголовное дело. В нем заключения всех экспертиз без исключения. Вы с ними ознакомились. Какой смысл мог быть в сокрытии тех или иных данных или какой-либо дезинформации? Подумайте сами. У вас, судя по всему, плохие осведомители.

– Либо у вас не слишком чистые факты... – закончил Гордеев.

– Вы хотите сказать – сфабрикованные? – насторожился следователь.

Гордеев промолчал.

– Вы что, меня в чем-то обвиняете? – последовал еще один вопрос.

– Что вы! Упаси бог! – играя испуг, произнес Гордеев. – Я не собираюсь никого обвинять, я собираюсь оправдывать. Это, знаете ли, моя работа.

– Ну-ну, – протянул следователь.

И тут Гордеев, поторопившись вывести следователя на чистую воду, допустил одну ошибку.

– Значит, вы утверждаете, что не было никакой дезинформации и сокрытых фактов? И у меня ошибочные сведения?

Следователь с интересом смотрел на Гордеева.

– А позволите ли вы мне взглянуть на материалы предварительной версии о самоубийстве бедной девочки?

– Что? – Спирин посерел, на лбу и щеках его выделились глубокие морщины.

– Ну ведь была же еще версия о самоубийстве, не так ли? – сказал Гордеев как нечто само собой разумеющееся.

– Откуда вам это известно?... – следователь осекся. – Что за ерунда!

– Постойте, постойте, – не понял Гордеев. – Первоначально официальной версией была версия о самоубийстве, не так ли?

– Не так! – почти выкрикнул следователь и встал из-за своего стола.

Он принялся ходить по комнате, как тигр в клетке.

– Что за чушь! Кто вам это сказал?

Гордеев сам ничего не понимал, он только знал, что версия о самоубийстве действительно была официальной. Но теперь он сомневался в этом.

– Это все ерунда! Это была одна из версий на стадии предварительного расследования! – продолжал Спирин. – Вы что же, держите правоохранительные органы за дураков?

– Да нет... Спокойно, спокойно... Что это вы так разнервничались? – пожал плечами Гордеев.

– Я не разнервничался, – Спирин, видимо, и сам понял, что допустил промашку, дав волю чувствам, и пытался теперь сгладить впечатление. – Я просто не понимаю вас.

– Я тоже... – согласился Гордеев.

– Как вы это себе представляете? Девочка гуляет в леске, собирает там всякие ягодки, цветочки. Потом подходит к дядям, отмечающим праздник, конечно, интересно ей знать, что это за дяди! А на травке пистолет валяется... – Спирин пытался шутить, что получалось очень плохо.

– Пистолет? Все-таки пистолет? – изумился Гордеев. – А вот по данным экспертизы это автомат был... Да, автомат Калашникова. Что-то вы путаетесь...

– Да при чем здесь это?... Какая разница! Я это для примера... – Спирин снова нервничался. Гордееву было жалко на него смотреть. – Хорошо, автомат... Это еще хлеще. Нелепица какая! Девочка берет автомат Калашникова и весь рожок – в себя?! Так просто, от нечего делать, интересно ей стало. Причем опытная была, знала, как с предохранителя снять, как стрелять, наверно, ногой на курок нажимала, а дуло к груди приставляла. Так, что ли?

– Вот и я говорю – глупость, – невозмутимо подтвердил Гордеев.

– А что же вы мне про какое-то самоубийство рассказываете? – спросил Спирин.

– Да нет, это не я, – усмехнулся Гордеев. – Это у вас такая версия была... кажется...

– Я вам еще раз повторяю, от этой версии мы отказались сразу! – воскликнул Спирин. – Ведь экспертиза...

– Вот именно. Экспертиза... – перебил его Гордеев. – Как только экспертиза показала, что стреляли из «калашникова», версия о самоубийстве тут же отпала. – Адвокат уже был очень зол и сам не понимал, зачем говорит все это следователю.

Спирин сощурил глаза и грозно посмотрел на Гордеева:

– Что вы хотите сказать? Я что-то не понимаю. В юридической практике всегда так – новые данные приводят к сужению круга версий.

Гордеев опомнился и сидел, молча уставившись в дело об убийстве.

– Кажется, вы сейчас пытались меня обвинить... – настаивал Спирин.

– Нет, я не пытался, – отнекивался Гордеев. – И никого я не хочу обвинить.

– Так в чем же дело?

– Я просто сообщил вам те факты, которые были известны мне, – как можно спокойнее объяснял Гордеев. – Я хотел как-то прояснить для себя это дело, разобраться. Вот и все. Может быть, я надеялся, что вы что-то проясните, поможете делу... А вы вдруг начали нервничать...

– Я не нервничал! – вскричал Спирин.

– Ну да, я так и понял, – улыбнулся Гордеев. – Но вы слишком близко к сердцу восприняли все сказанное мной. Не надо придавать моим словам так много значения. Это лишь мнение. Личное.

– Еще бы, – Спирин опять уселся за стол. – Все вами сказанное только что несло какую-то обвинительную подоплеку.

– Что вы! Я еще раз повторяю, я здесь для того, чтобы защищать, а не обвинять! Я надеялся на то, что вы мне поможете... – оправдывался Гордеев, который уже был не рад, что затеял этот разговор.

– Ну, знаете, это уж слишком. Мое дело ловить преступников, а не помогать адвокатам защищать их...

– Не защищать, разобраться... Впрочем, я и сам... Спасибо за предоставленные материалы...

Следователь, видимо забывшись, уже сам протянул ему руку, и на этот раз рукопожатие произошло, хотя для Гордеева оно и не было слишком приятным.

6

Как разъяренная тигрица Лида металась по комнате, временами, чуть успокоившись, с ненавистью рассматривала красивые кованые решетки на окнах и даже в бессильной злобе запустила тяжелой керамической чашкой в стену. Та, отскочив от плотной поверхности, с глухим звуком шмякнулась на пол без единой трещины. Эта невозмутимая прочность посуды окончательно добила девушку, и она начала кричать, извергая проклятия в адрес всех находящихся в этом доме, который вдруг стал ее темницей, и бешено колотя в дверь каблуком домашней туфли.

– Эй там! Кто-нибудь! – кричала она. – Открывайте! А то сейчас весь дом разнесу так, что мало не покажется!

Ответа не было.

– Открывайте! – взвизгнула она.

Молчание.

Лида с минуту подумала, затем ее взгляд упал на зажигалку, которая лежала на маленьком журнальном столике. Она быстро схватила ее и вернулась к двери.

– Если не откроете, я подожгу дом! – закричала она так громко, как только могла. – У меня есть зажигалка!

На этот раз ее усилия увенчались успехом – через минуту замок повернулся, и в комнату вошел Кравцов.

– Чего ты буянишь? – тихо спросил он.

– А вот и бывший муженек решил навестить... – произнесла Лида, будто не слышала вопроса.

Кравцов забрал у нее зажигалку и сунул ее в карман.

– Как ты себя чувствуешь? – продолжал Сергей.

– Чудно! – саркастически улыбаясь, сказала Лида. – До тех пор, пока не видела тебя, было гораздо лучше.

– Ну ты ведь сама звала! – возразил Кравцов.

– Да, звала! Но не тебя. Тебя я хочу видеть меньше, чем кого бы то ни было!

– Зачем ты так со мной? – Кравцов, казалось, был в отчаянии.

– А чего ты ожидал, интересно? – завелась Лида. – Ты хватаешь меня, запикиваешь в свою машину, насильно привозишь в этот проклятый Андреевск. Потом запираешь в этой комнате и еще хочешь, чтобы я была нежная и ласковая? Что ты вообще от меня хочешь? Чего тебе надо? Зачем ты меня похитил?

– Затем, что это мой единственный шанс объяснить тебе хоть что-нибудь, – терпеливо объяснял Кравцов. – Затем, что я уже больше года не могу с тобой нормально поговорить. Когда я звоню, ты бросаешь трубку, не хочешь меня выслушать, скрываешься. Когда я приезжаю, ты либо не открываешь дверь, либо отказываешься разговаривать! Как еще я мог с тобой объясниться?

– Я тебе давно сказала, что нам абсолютно не о чем разговаривать, и выслушивать я тебя тоже не желаю, и вообще отстань от меня ради бога! Неужели я теперь вынуждена всю жизнь терпеть тебя? Я устала от твоего нытья, я не вернусь к тебе никогда. Понимаешь ты это или нет?

– Послушай, Лида, – Кравцов пытался казаться спокойным, но это ему удавалось плохо. Руки нервно теребили связку ключей, голос дрожал. – Давай поговорим. Спокойно поговорим.

– О чем? Нам не о чем с тобой разговаривать!

– Лида, я не понимаю, почему ты ушла. Все было так хорошо... Я же могу сделать тебя самой счастливой женщиной на земле. У тебя будет все. Все, что захочешь, все, о чем только можно мечтать. Просто вернись ко мне.

– Ничего мне не надо от тебя, – упорствовала она. – Я сама вполне могу о себе позаботиться. Что, думаешь, все купить можешь? Так вот, мне твои деньги не нужны. Засунь их знаешь куда...

– При чем здесь деньги? – Сергей не выдержал и сорвался на крик. – Что ты все переворачиваешь вверх тормашками? С тобой невозможно разговаривать, ты абсолютно не хочешь слушать никого, кроме себя. Что ты заиклилась на этих деньгах? Кто тебя покупать собрался? Я пытаюсь с тобой договориться, а ты как сумасшедшая, заладила одно и то же!

– Не хочу я с тобой ни о чем договариваться!

– Но спокойно поговорить-то ты можешь? – закричал Кравцов.

– Вот что, уходи лучше, – ответила Лида. – Орать можешь на своих прихлебателей, а я тебе в девочки для битья не нанималась.

– Извини, я погорячился.

– Мне все равно, – холодно заявила Лида. – Убирайся отсюда.

– Я люблю тебя, – тихо произнес Кравцов.

– Это мне теперь тоже все равно, – снова отрезала Лида.

Сергей постоял чуть-чуть, потом молча вышел и запер за собой дверь. Лида опять осталась одна. Она слышала, как звонит ее сотовый где-то в доме, потом звонок затих, вероятно, телефон кто-то отключил.

Она села в кресло и задумалась. Если бы кто-нибудь несколько лет назад сказал Лиде, что она окажется пленницей в собственном доме и будет всеми силами пытаться сбежать от любимого в прошлом мужа, она расхохоталась бы ему в лицо! Когда-то они были безумно счастливы, не могли расстаться ни на минуту, всюду ходили вместе. Даже на деловые встречи и девичники, чем страшно раздражали и партнеров, и Лидиных подруг. Но им было все равно, они были молоды, красивы и влюблены друг в друга...

...Сергей заметил Лиду еще совсем девчонкой, ученицей десятого класса. Смешной чертенок, дочка случайной знакомой его матери, а он был уже довольно известной личностью в городе, начинающим бизнесменом, не знающим недостатка во внимании противоположного пола и деньгах. Они встретились на праздновании дня рождения кого-то из общих знакомых их родителей. Сергей откровенно скучал. Ему уже изрядно надоели восторженные возгласы пьяных теток: «Ну надо же! Какой большой стал!» При чем каждая из них непременно норовила заявить, что укачивала будущего бизнесмена на своих руках. Из чего Сергей сделал вывод, что, судя по всему, к их дому каждый вечер выстраивалась длинная очередь орущих и дерущихся женщин, которые жестоко бились за право потаскать на руках карапуза Сереженьку.

В конце концов Кравцов забился в угол с какой-то книгой в надежде, что его никто не обнаружит и окончания застолья он сможет дождаться здесь. Но через несколько минут дверь в комнату открылась, и зашла молоденькая девчонка с дерзкими глазами и удивительной красоты волосами.

– Тьфу ты, и здесь занято! – нисколько не смущаясь, произнесла она.

– Занято, – подтвердил Сергей. – А ты кто?

– Я Лида, дочка Ермолаевых, а ты?

– А я Сергей, сын Кравцовых.

– Ну вот и познакомились, – рассмеялась Лида. – А ты чего прячешься? Тебя тоже достали?

– Есть маленько, – улыбнулся в ответ Сергей.

– Понимаю. Мне сегодня пять раз проорали на ухо, как сильно я выросла. Четыре раза спросили, когда я собираюсь выходить замуж. Раз три пытались вдолбить в голову незыблемую сентенцию о необходимости высшего образования. И вдобавок ко всему этому я вынесла несколько десятков слюнявых поцелуев.

Она брезгливо поморщилась.

– Тяжело, – согласился Кравцов. – Мне повезло больше. После шестого восклицания о моем ненормально скором взрослении я смылся и спрятался здесь, и не собираюсь отсюда выползть до тех пор, пока самая пьяная и активная часть гостей не разойдется.

– Боюсь, долго ждать придется. – Девчонка скорчила смешную рожицу. – Они еще даже не добрались до горячего. А впереди еще чай с тортом!

– Тогда придется искать выход из сложной ситуации. – Сергей вдруг повеселел, эта дочка Ермолаевых ему положительно нравилась. – Знаешь что? У меня есть идея.

– Какая? – заинтересованно спросила Лида.

– Давай сбежим отсюда?

– Куда это?

– Ну-у... Например, в кино, – сказал Кравцов первое, что пришло ему в голову.

– А что мы скажем нашим? – просчитывала варианты Лида.

– Правду. Скажем, что идем в кино. Зачем что-то выдумывать?

– Ну ладно, – сказала, подумав, Лида. – Но тогда сам с ними разговаривай, а то мои на меня обидятся.

– Идет. – Кравцов взял новую знакомую под руку и повел в гостиную.

– А вот и молодежь! – закричал усатый именинник. – Где пропадаете? Присоединяйтесь. Тост за женщин! За присутствующих здесь дам!

– За женщин – это отлично. Мысленно с вами, – ответил Сергей. – Но я надеюсь, никто не будет возражать, если молодежь пойдет в кино? Андрей Ильич, – обратился Кравцов к отцу Лиды. – Я заберу вашу дочь на прогулку, не возражаете? А часам к десяти мы вернемся.

– Идите, идите, я ведь понимаю, что вам здесь скучно с пьяными тетками, – ответила за мужа Лидина мать, опередив отца, который хотел что-то возразить. Тот глянул на жену и счел за благо согласиться.

Молодые люди, одевшись, выбежали на улицу. В кино они не пошли: шел какой-то дурацкий фильм про инопланетян, они оба его уже видели. Поэтому просто отправились прогуляться по парку, потом зашли в кафе, болтали о чем-то непрерывно. У Сергея почему-то замирало сердце от близости Лиды, она была совсем еще девчонкой, почти ребенком, и Кравцову вдруг захотелось оберегать и заботиться о ней всю жизнь. В квартиру они возвращались, уже держась за руки, а когда пришло время прощаться, Лида оставила свой телефон Сергею под горячее одобрение многочисленных знакомых, которые тут же громко, безапелляционно и на разные лады размечтались о грядущей свадьбе. Услышав об этом, Лида расхохоталась гостям в лицо, а Кравцов подавился глотком сока и долго еще не мог откашляться. Только одна приятельница Лидиной матери, слышавшая в кругах не слишком образованных соседей ведьмой, взглянув на молодых людей черными пронзительными глазами, сказала кому-то:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.